

Александр Посохов

110 рассказов Посохова

Александр Посохов

110 рассказов Посохова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73198193

SelfPub; 2026

Аннотация

Данный сборник составлен автором в основном из рассказов, в которых сюжеты, персонажи или места действия так или иначе связаны с Москвой. Рассказы разные, но преимущественно короткие и юмористические.

Александр Посохов

110 рассказов Посохова

Пьяная лекция

Случилось это в горбачёвскую компанию по борьбе с пьянством. Нестарого ещё доцента кафедры философии одного из столичных университетов в приказном порядке направили в отдалённый совхоз с разъяснением соответствующей политики. Увезли его в трескучий мороз на небольшом автобусе вначале в районный центр, а потом ещё километров за двадцать, и сразу завели в красный уголок правления недалеко от свинофермы. Директор совхоза, коренастый русский мужик с простодушной улыбкой, усадил доцента за длинный казённый стол перед рядами обычных деревянных стульев и сказал, что сейчас соберёт всех, кого можно. Доцент снимать с себя дублёнку не стал, так как красный уголок по температуре воздуха в нём оказался совсем не красным. Импортный портфель с наглядной агитацией в виде таблиц и графиков смертности и несчастных случаев по причине пьянства он поставил на стол. Постепенно помещение заполнилось работниками совхоза, мужчинами и женщинами.

ми, одетыми главным образом в какие-то растрёпанные тулупы и телогрейки, на ногах огромные сапоги и валенки, на головах лохматые шапки и шали в клеточку, рукавицы до локтей. Последней зашла полная женщина средних лет с серым завязанным сверху мешком, который она волоком протащила к первому ряду и запихала его под стул.

– Можно начинать, – сказал директор, севший на тот же ряд, но с краю.

– Товарищи! – с тревожной важностью в голосе обратился доцент к собравшимся.

В это мгновение, будто в ответ на обращение лектора, из-под ног женщины с мешком отчётливо прозвучало короткое однократное «Хрю». Женщина тут же припнула мешок подшитым валенком и виновато посмотрела на директора.

– По решению Центрального комитета КПСС и советского правительства, – продолжил доцент. «Хрю-хрю», как по команде снова последовало из мешка. Доцент был опытным лектором, всякое слышал от студентов, но под натуральное хрюканье ему выступать ещё не приходилось. Он слегка улыбнулся, но решил, что задание руководства университета и общества «Знание» надо исполнять в любой обстановке. – В стране объявлена беспощадная борьба с пьянством, – закончил он вступительную фразу

После этих страшных слов на весь красный уголок раздался такой свинячий визг, что все присутствующие, не стесняясь городского интеллигента с портфелем, громко захохота-

ли, а директор совхоза набросился на женщину с мешком:

– Какого чёрта ты сюда вместе с ним припёрлась?

– А куда его девать, если ему холодно там? – спокойно ответила женщина.

– Домой отнеси пока, – приказал директор.

– Вот послушаем с ним, что умный человек скажет, и отнесу, – сказала женщина и ещё раз пнула по брыкающемуся мешку. – Нам тоже интересно.

– Скажи ещё, что вы чего-то с ним понимаете, – съехидничал директор.

Поросёнок замолчал, и доцент готов был продолжить своё выступление. Но смех, поддерживаемый разными весёлыми комментариями, не унимался. Кто-то посоветовал всем вместе выпить и съесть этого поросёнка, кто-то вытащить его из мешка и посадить рядом с лектором.

– Товарищи, успокойтесь, – не дожидаясь тишины, вновь обратился доцент к собравшимся. – Михаил Сергеевич Горбачёв сказал... «Хрю» отозвалось из-под стула. – Пьянство разрушает наше общество... «Хрю-хрю»...

– Так, иди отсюда, – стал прогонять директор работницу с поросёнком. Но та почему-то не слушалась и продолжала сидеть на месте.

– Сами пригласили, от дел оторвали, а теперь прогоняете.

– Вот нашлась ещё деловая, поглядите-ка на неё, – сказал директор. – Прямо свинарка с экрана, пастуха только не хватает.

Доцент хоть и был доцентом, но тоже был нормальным русским мужиком. И ему тоже было смешно.

– Короче, люди добрые, – произнёс он, поняв, что ничего путного от такой лекции не получится. – Пить вредно!

Все согласились, конечно. Кроме поросёнка, который снова, услышав заключительные слова философа, издал резкий оглушительный визг. После этого директор совхоза сам уже схватил злосчастный мешок и потащил его к выходу.

– Мы тоже пойдём, – засобиралась вслед ему и все остальные. – А то пообедать не успеем.

На прощание директор пригласил гостя в совхозную столовую, ни от кого не таясь, налил ему и себе по стакану водки, пожаловался на деревенскую жизнь, обнял и усадил в автобус. Вернулся домой в Москву доцент в хорошем настроении, нисколько не замёрз и долго потом рассказывал знакомым эту историю.

* * *

Омар и Зигмунд

Сидят в кафе на Плющихе двое, давным-давно известные во всём мире личности. Один мыслитель, а другой психиатр. Одного зовут Омар, а другого Зигмунд. Вот Омар и говорит Зигмунду:

– Можно соблазнить мужчину, у которого есть жена.

Можно соблазнить мужчину, у которого есть любовница. Но нельзя соблазнить мужчину, у которого есть любимая женщина.

– Красиво, – похвалил Зигмунд. – Но неправда. Если бы мужчина состоял исключительно из любящего сердца, то тогда бы он вообще ничего не делал. Мужчина не состоит только из чувства, это живое существо.

– И что из этого следует?

– А то, что он подвержен любым соблазнам в силу природной зависимости. Вот посмотрите на того мужчину, который сидит за столиком у окна. Видите, к нему подсаживается девушка. Говорят о чём-то. И я абсолютно уверен, что сейчас она его соблазнит.

– Сомневаюсь, – говорит Омар. – Видите, он недовольно махнул на неё рукой, и она уходит.

– А давайте спросим у него, почему, – предложил Зигмунд.

– Извините, – подойдя к мужчине, спросил Омар, который выглядел намного старше Зигмунда. – Почему вы прогнали её?

– Потому, что она совсем обалдела, – ответил мужчина. – Представляете, пятьсот баксов за час, а у самой прыщ на лбу.

– Скажите, а у вас есть жена?

– Есть.

– А любовница?

– Есть.

– А любимая женщина?

– Тоже есть, – признался мужчина. – А вы, собственно, кто такие?

– Ну что! – торжествующе воскликнул Зигмунд, когда они, оставив мужчину в покое, вышли на улицу. – Я же говорил, что всё происходит на подсознательном уровне.

– Но я же о людях, а вы о существах, – грустно заметил Омар. – Пойдёмте лучше посидим молча в тенёчке вон под теми тремя тополями.

* * *

Никаких кобелей

– Никаких кобелей! – отрезал главный «таксист» столичного общества охотников. – Пока ваша Ася в нору за лисой не полезет, вязать её категорически запрещаем.

– Ну мы уже несколько раз на притравке были, – взмолился Серёга, здоровенный мужик средних лет, хозяин вертлявой таксы очень редкого кофейного окраса. – Не хочет она без меня лезть в эту подозрительную дырку. А я как туда вместе с ней залезу?

– Я, конечно, ценю ваш юмор. Но и вы нас поймите. Мы продали вам элитную собаку с импортной родословной и нам надо довести её до соответствующих кондиций. А потом уже повязать её с таким же избранным самцом и получить от неё

достойное потомство.

– Но ей уже два года, – не унимался Серёга. – По человеческим меркам она скоро в старую деву превратится. А с какой страстью она на пёсиков разных смотрит, вы бы только видели. Течка ведь у неё в самом разгаре.

– Я всё видел и знаю, кто на кого и как смотрит. Я тоже человек.

– Значит, не пожалеее?

– Нет.

– Тогда вы не человек.

– А кто?

– Бюрократ собачий.

С тем и вышел Серёга из общества. Идёт, Аську на поводке коротеньком держит, и думает: «И на кой чёрт я с этой конторой связался. Да мы и без неё повяжемся. На охоту мы не ходим, охотничий билет нам не нужен. И лиса какая-то драная нам не нужна. Вот встретим кобелька по своей породе и всё, будем рожать».

И встретили. Через полчаса буквально, по дороге домой. Издалека заметили в одном из попутных дворов. Подошли, познакомились. Упитанного такого чёрного кобеля звали Лёвушкой, а хозяина Федя. И лет этому Феде, оказалось, столько же, как Серёге, а вот Лёвушке его уже целых четыре года. Рассказал Серёга Феде о своей навязчивой проблеме, и они быстро договорились о главном: одного из щенков хозяин Лёвушки заберёт первым по своему выбору, даром, как

и положено.

И тут же все четверо поднялись к Феде в квартиру на четырнадцатом этаже. Жена Федина, по его словам, куда-то давно подевалась. Как и Серёгина, впрочем. Может, вместе они и сбежали, куда подальше, оставив своих собаколюбивых мужей в одиночестве.

– Так, – с видом опытного специалиста распорядился хозяин квартиры. – Жениха с невестой закрываем в комнате, а сами идём на кухню. По такому случаю и выпить не грех.

Выпили сразу по целому стакану водки, потом ещё. Хозяин Лёвушки тоже, как выяснилось, был к этому делу давно привычным. И здоровенным таким же был. Но вскоре, однако, всё равно оба они захмелели и давай наперебой расхваливать своих драгоценных питомцев.

– А ты знаешь, какой он у меня умный. Покажи, говорю, как папа пьяный валяется, и он бряк на спину.

– А она у меня знаешь, какая охотница. Всех крыс возле столовой напротив передушила. А породистая какая, в паспорте у неё одни иностранцы.

– И у меня Лёвушка голубых кровей, принц датский.

– И у меня принцесса оттуда же.

– Докажи, – потребовал Федя.

– Докажу, – уверенно заявил Серёга и полез в карман за собачьим паспортом. – Я как раз сегодня его взял, когда в общество пошёл. Вот смотри, отец Лорд-Фердинанд, мать Габра-Александрина.

– Погоди, и я свой достану, – сказал Федя и вытащил из ящика в коридоре паспорт Лёвушки. – Так, читаем, отец Лорд-Фердинанд, мать Габра-Александрина.

– Ничего себе! – воскликнул ошалело Серёга. – Так у них что, общие предки, что ли?

– Мать честная! – следом воскликнул Федя. – Выходит, мы с тобою суицид им устроили, что ли?

– Не суицид, а инцест, тоже ещё грамотей. И всё из-за тебя. Бродишь тут по улицам на виду у всех со своим толстяком лопухим.

– Да это ты же ко мне со своей течкой припёрся.

– Ладно, делать-то что будем? Они уж там сцепились, наверно.

– Бери веник, а я швабру возьму в ванной. Расцеплять будем. Ударим им по хребтам и разбегутся.

– Своего бей, сколько хочешь. А мою не трогай. Я её сам аккуратно руками оттащу. Да открывай ты уже двери.

Открыли. И что? Ася сидит посередине комнаты, приветливо виляет хвостом и с удивлением смотрит на забившегося в угол Лёвушку.

– Всё ясно, раскормил пса до бессилия, – сказал Серёга, бережно поднимая Аську с пола. – Пойдём, красавица моя, отсюда. Тут одни импотенты живут.

– Вот именно, – со злостью отреагировал на то Федя. – Забирай свою шавку и проваливай. Просто мой Лёвушка сам обо всём догадался и не захотел суицида с сестрой.

– Инцеста, дебил.

– Я тебе сейчас как дам вот этой шваброй по башке, сам ты дебил. Выпил на халяву и доволен.

* * *

Совсем оборзела

Национальности этих замечательных людей называть не буду, а то соплеменники их поймут всё неправильно, будто я не о юморе только. А я именно только о том, что смешно было и запомнилось навсегда.

Наняли мы для ремонта квартиры одну супружескую пару. Точнее, они сами напросились, поскольку соседями оказались после нашего переезда в этот дом на проспекте Вернадского. Её, допустим, звали на русский лад Зоя, а его Дима.

Работали они не очень дружно. Я имею в виду то, что они между собой почему-то часто ругались на каком-то своём языке. Причём, национальности у них были близкие, но разные.

Так вот. В этот день они должны были циклевать пол. Мы с женой приходим проверить, как идут дела. Заходим в квартиру. В углу комнаты стоит огромная циклёвочная машина с разобранным кожухом. Посередине комнаты стоит Зоя и вроде как плачет. Димы нет.

- Что случилось? – спрашиваем.
- Совсем оборзела, – отвечает.
- Кто?
- Дима. Дралась, кричала.
- А чего это он так?
- Машинка сломался.
- А с ней что?
- Резинка порвался...

Ну вот как тут не рассмеяться! Прошло много лет, а мы с женой на вопрос о том, что случилось, отвечаем иногда друг другу в сердцах: «Машинка сломался, резинка порвался».

* * *

Визит драматурга

В кабинет известного в России исторического просветителя вошёл некто, сходу представившийся начинающим драматургом. Хотя возраст его прямо свидетельствовал о том, что не только начинать, но и заканчивать ему чего-нибудь было уже категорически поздно. В руках он держал тощий пожухлый портфель времён послевоенных пятилеток.

– Меня зовут Пантелеймон Будуаров, – пылая тлеющим взглядом, закончил представлять себя вошедший.

– Садитесь, пожалуйста, чай, кофе? – вежливо предложил просветитель.

– Я сяду. А всё остальное потом. Дело не терпит отлагательств.

– А что случилось?

– Как что! Целое поколение потеряли. Они же ничего не знают.

– Кто они?

– Молодёжь, форменные невежды! Спрашиваю, кто такой Ленин? Они глаза таращат.

– Да, с молодёжью у нас проблемы. А я-то чем могу помочь?

– Не притворяйтесь. Вы же учёный, бывший министерский чиновник, у вас награды, звания, связи. Я недавно по радио вас слушал. Очень даже забавно вы там про одного полководца рассказывали. Из крепостных да сразу в генералиссимусы. Не пойму только, на кой чёрт ему эти Гималаи сдались!

– Вы о Суворове, что ли? Так он не был крепостным. И не Гималаи, а Альпы.

– Тогда все были крепостными.

– Нет уж, позвольте! – хотел было защитить историческую правду просветитель.

– Не позволю! – властным тоном прервал его Пантелеймон Будуаров. – Потому, что вы ничего не делаете, а я сделал.

– Любопытно. И что вы такого сделали?

– Я написал пьесу. Вот здесь она, в этом портфеле. Пье-

са так и называется Великий Ленин. Вы ведь знаете, что он великий?

– Подозреваю.

– Так вот. Я хочу, чтобы вы помогли мне толкнуть мою пьесу в молодёжь. То есть поставить её во всех театрах страны и загнать туда всё подрастающее поколение.

– А пьесу-то хорошую написали?

– Естественно, как говорят у нас в Пензе.

– Так вы из Пензы?

– Ну что вы, упаси Бог. Это такая фишка для непринуждённой беседы.

– А пьесу по источникам писали?

– Обижаете. Как нам реорганизовать Рабкрин наизусть выучил.

– Что вы говорите! А вы можете в кратких словах рассказать содержание пьесы?

– Пожалуйста. Знаете ли вы, что в 1917 году Ленин был в Шушенском?

– Припоминаю.

– И вот, когда он там с Крупской чалился, выражаясь красноречиво, в это время из Израиля в Ленинград прилетел Троцкий.

– Ужасно! А куда же ЧК смотрела?

– Ну, голубчик, уж вам-то следовало знать, что ни ЧК, ни КГБ, ни ФСБ тогда не было. Всей правоохранительной си-

стемой заправлял кто? Ну, думайте, думайте.

– Неужели? И тогда тоже!

– Факт. Он и расправился с Троцким.

– А Ленин тут при чём?

– Так это же Владимир Эдмундович шарахнул по Зимнему из Катюши.

– Это Дзержинский Эдмундович. А Ленин Ильич.

– То-то я смотрю, отчество у него какое-то неродное.

– А из чего он шарахнул, простите? – решил уточнить название грозного орудия просветитель, хотя ему и так уже было всё ясно.

– Расцветали яблони и груши, – тихо запел драматург. – Ну, догадались? Потом вместе споём. Очень крутая песня, как говорят у нас в Жиздре.

– Так вы из Пензы или из Жиздры?

– Из Жиздры. А в Пензе пусть черти живут.

– А революцию-то Ленин как совершил?

– Элементарно! Набрал кредитов в Сбере под поручительство Бери и совершил.

– В каком ещё Сбере? Его тогда не было!

– Ошибаетесь, товарищ. А история ошибок не прощает, как говорят у нас в Сызрани.

– И в Жиздре, значит, тоже пусть черти живут?

– Пусть.

– А как это Троцкий из Израиля прилетел, если тогда такого государства ещё не было?

– Как же вы далеки от народа! Может, где-то его и не было, а у нас оно всегда было.

– А на чём он прилетел?

– На иранском беспилотнике.

– Зачем?

– Чтобы Ленину помешать.

– А-а, понимаю. Троцкому нужна была революция во всём мире, а не только в России?

– Ничего вы не понимаете. Политика тут ни при чём. Тут у меня в пьесе жуткая любовная интрига. Троцкий был холериком, а Ленин сангвиником. Но влюблены они были в одну женщину из подсобки, то ли в Ашане, то ли в Леруа Мерлен.

– А что, сто лет назад эти магазины тоже были?

– В истории ничего нового нет, как говорят у нас в Нижнем Тагиле. Но черти там не выживут, даже не надейтесь. В Сызрани ещё кое-как, а там им хвосты быстро накрутят.

– Да чёрт с ними! Интрига-то ваша как разрешилась?

– Проще пареной репы. Он, ну вы понимаете о ком я, повязал Троцкого на проспекте Сахарова и выслал его куда, ну?

– Неужели в Нижний Тагил?

– Правильно. После чего Ленин мог встречаться один, без сопровождения демона революции, с кем угодно и где угодно, даже на Красной площади рядом с Мавзолеем.

– А Крупская как же?

– А та днями просиживала в смартфоне и ничего не замечала.

– Вот что хотите со мной делайте, но ни о каких смартфонах в те времена даже не слыхивали. Но пьесу вашу мы всё равно толкнём, куда надо. Обещаю.

– Не обещайте деве юной, как говорят у нас на Арбате.

– Кстати, а где рукопись? – спросил исторический просветитель. – Вы мне даже не показали её.

– Какую рукопись? – успел вымолвить начинающий драматург и повалился набок. Хорошо, кресло было глубокое.

Помощница просветителя вызвала скорую. Приехали быстро. Пока приводили старого человека в чувство, проверили его портфель. Никакой пьесы там не оказалось. Зато нашли социальную карту москвича и персональное приглашение от «Московского долголетия» в танцевальную группу. По ним и определили, что никакой он не Пантелеймон Будуаров, а просто Пётр Бурлаков.

– Два в одном, – поделился с хозяином кабинета доктор. – И склероз и деменция. Ему же сто лет почти. Но вы не волнуйтесь, мы сами доставим дедушку домой в целостности и сохранности.

* * *

Смешинка

Поздний воскресный вечер. Счастливое мирное время. На широкой и мягкой кровати уютненько так расположилась

девочка Саша, которая приехала к бабушке с дедушкой на выходные. Но сразу же спать она не собирается. Надо ещё чтобы дедушка обязательно рассказал на ночь смешную историю. Он всегда ей рассказывает такие истории перед сном. А она всегда смеялась и, перебивая дедушку, добавляла к его повествованию свои весёлые придумки.

– Дед, ну скоро ты? – позвала она дедушку.

– Господи! – проворчал дедушка, входя в комнату. – Я тебе давно уже всё рассказал.

– А ты просто придумай что-нибудь, – посоветовала Сашенька.

– Ладно, как скажешь, – согласился дедушка и, не раздеваясь, лёг рядышком с внучкой. Сашенька тут же сложила ручки под голову и крепко прижалась к родному дедовому плечу.

Все дедушкины истории всегда начинались со вступительного слова «однажды». Но рассказывать разные необычные и весёлые истории становилось дедушке всё сложнее – уж всё, казалось, самое смешное и удивительное он уже вспомнил и обсмеял вместе с внучкой. Поэтому в последнее время он чаще всего произносил по ходу то, что просто в голову приходило. При этом, начиная очередную галиматью, он сам точно не знал, какое слово должно последовать за вступительным. Именно так было и в этот раз.

– Однажды, – начал дедушка свою очередную историю, – уехал я на недельку из Москвы и иду по окраине села. С од-

ной стороны дома, а с другой стороны густой лес. Чувствую, мне по-маленькому надо, как тебе иногда. Но к огородам же я не пойду, там люди и видно всё. И я, конечно, пошёл в лес. Вижу, на опушке домик деревянный, из брёвен сложенный, с двумя входами с разных сторон. На одной стороне написана большая буква «М», а на другой стороне написана большая буква «Ж». Знаешь, такие туалеты бывают в деревнях или на автобусных остановках за городом?

– Знаю, – ответила Саша. – Мы заходили в такой, когда на дачу к маминой подруге ездили.

– А что буквы «М» и «Ж» означают, знаешь?

– Да, мужчины и женщины.

– Правильно. Так вот, забегаю я туда со стороны буквы «М», а там медведь сидит. И как зарычит на меня: «Ты что, слепой что ли!» Я говорю испуганно: «Нет, не слепой. Я зашёл сюда, потому что буква «М» с этой стороны». А медведь ещё страшнее как зарычит: «Так это же звериный туалет. А буква «М» означает, что это для медведей». Представляешь? Вот такая история со мной приключилась.

Сашенька громко засмеялась. Дедушка тоже сам расхохотался, но что дальше рассказывать, он не знал и не думал вообще. Рассмешил ведь внучку, подумал он, обязанность свою выполнил и хватит.

– Вы чего там расчихикались! – слышался из кухни строгий голос бабушки. – Опять смешинка в рот попала. Спать пора, завтра папа с мамой рано приедут, в садик надо,

а они гогочут. Дед, кому говорю, закрывай двери и иди сюда.

Дедушка встал, нежно поцеловал внучку в лобик, пожелал спокойной ночи и хотел выйти уже. Но Сашенька, продолжая смеяться, остановила его:

– Подожди, дед, а с другой стороны жираф сидел, что ли?

Но дедушка закрыл уже за собой дверь, и Сашенькин вопрос так и остался без ответа.

* * *

Несчастные

Суббота. Сижу, думаю. Стук в дверь. Открываю.

– Давай! – предложил Вадим, показывая бутылку коньяка. – Выходной же.

– Это у вас выходной. А у нас, писателей, самый что ни есть рабочий день.

– Да какой ты писатель! – махнул бутылкой сосед, чуть меня не задел, и на кухню без спроса прошёл. – Баснописец несчастный. Куда ты рюмки прячешь? И закуску доставай.

– Ну, ты нахал! Я же тебе объяснял, что у Крылова 236 басен, а у меня 118, ровно половина. Мне пахать и пахать ещё.

– Да кому нужны твои басни! – скорчив брезгливую рожу, сказал Вадим. – Вон артист один сбежал из России, так его басни читают. А ты сидишь тут, в центре Москвы, и о тебе

никто ни сном ни духом не подозревает.

– Господи, ну сколько раз тебе повторять, что это не басни! Артист этот и себя и жанр позорит. Сам по себе злобный стишок не может быть басней. Басня, она, как такса.

– Какая ещё такса? – удивился Вадим и налил.

– Собака, которая со времён древнего Египта не изменилась. Те же уши и тот же хвост. Других собак скрещивали, преображали, а такса сохранилась в первозданном виде. Вот так и с басней, которую можно сотворить только, как басню. А этому учиться надо и особый дар иметь.

– Да брось ты, поехали! Дай мне сюжет, и я завтра принесу тебе готовую басню, – заявил вдруг Вадим, опрокинув первую рюмку.

– Ладно, запоминай. Допустим, пьяный кабан завалился на муравейник. Насекомые в панике. И тут один храбрый муравьишка кричит, что залезет сейчас на дерево и спрыгнет на кабана. Смотрите, хвастается заранее, как я ему хребет перешибу. Понял?

– Понял, – ответил Вадим и снова налил. – А мораль?

– Сам думай. Всё просто же.

– А как назовём мой шедевр?

– А как заблагорассудится. Главное, не бойся, пиши смело. Любые твои иносказания я пойму правильно.

– Что значит, правильно?

– Ну, вот есть у меня такая басня, например. В ней судят льва за то, что он убил шакала, который, мечтая прославить-

ся, напал на него.

– И что?

– А то, что получаю я на эту басню гневный отзыв от одного молодого человека. Какой, дескать, нормальный шакал на льва нападать будет. Дебил он, что ли!

– И что?

– А то, что басню нельзя воспринимать буквально. У того же Крылова журавль сам свой нос к волку в пасть суёт. И про ворону он пишет, что она сыр во рту держала. А никакого рта у вороны нет. Понял?

– Понял.

– Или вот ещё пример. Написал я недавно басню про медведя, который порядок наводит. Заключение там такое. Когда порядка нет в своём краю, а ты решил вдруг навести его везде, то это значит, что нигде.

– И что?

– А то, что один, тоже молодой читатель, высказал мнение, что за такую басню меня точно посадят.

– Не пудри мне мозги! – отрезал Вадим и опять налил. – А то и меня вместе с тобой посадят.

Допивал он бутылку уже без моего участия. Я после двух рюмок отказался. Потому, что сто девятнадцатая басня давно томилась в компьютере, ожидая своего конца.

Воскресенье. Сижу, думаю. Стук в дверь. Открываю.

– Давай! – предложил Вадим, показывая бутылку конья-

ка. – Выходной же.

– Ты басню сочинил?

– Про таксу, что ли?

– Нет.

– Про кабана?

– Нет.

– Про льва?

– Нет.

– Про шакала?

– Нет.

– Про ворону?

– Нет.

– Про медведя?

– Нет.

– Про тебя?

– Нет.

– А что, оригинально, басня про баснописца!

– Да при чём здесь я! Ты же про муравья обещал написать.

– А зачем? – удивился Вадим. – Ну какой нормальный муравей на кабана прыгать будет. Дебил он, что ли!

– Всё ясно. И у тебя, значит, с иносказаниями проблема.

Но ты над моралью-то хоть подумал?

– Какая ещё мораль! – воскликнул Вадим. – Все морали давно... профукали, выражаясь без рифмы. Нам, айтишникам, она ни к чему.

– Да какой ты айтишник! Программист несчастный. От-

куда вы только берётесь такие?

– Какие?

– Без художественного мышления.

– Из будущего мы, – улыбнулся Вадим. – А ты из прошлого.

* * *

Толстой и Анна

Приехал Толстой умирать на станцию Астапово. Присел на скамейку и стал о жизни своей великой думать. Смотрит, по перрону Анна Каренина слоняется, на рельсы как-то странно поглядывает.

– Ты чего это удумала, паршивка? – строго спросил её Толстой.

– Да вот, – ответила она дрожащим голосом. – Порешить с собой хочу.

– Из-за Вронского, что ли?

– Из-за него, – со слезами на глазах подтвердила Анна.

– Подумаешь, хлыщ какой! – сердито проворчал Толстой. – Да я его просто вычеркну из романа, и дело с концом.

– Действительно, – обрадовалась Анна. – Вычеркните вы этого кобеля, пожалуйста, Лев Николаевич. И этого ещё, прыща старого.

– Каренина, что ли?

– Его самого, тоже козёл тот ещё. Сколько раз говорила ему, купи виагру. А он, разрешение у государя надо получить. Вот и получил рога на рога.

– Нет, – отказался Толстой. – Тогда название всего романа менять придётся, фамилия-то у тебя от мужа. Хотя ты права, конечно, оба они хороши. Хлыщ да прыщ, ну какие это герои.

– Главное, читать про них противно, – взмолилась Анна. – Нафиг они вообще нужны, чтобы из-за них под поезд бросаться.

– Ладно, – сжалился Толстой. – Название поменяю, а их вычеркну и анафеме предам. И тебя анафеме предам. Слаба ты оказалась по женской части и тоже на героиню не тянешь.

– А это возможно? – удивилась Анна. – Вы же не член Священного синода.

– Возможно! – воскликнул Толстой, вставая со скамейки. – Раз я отлучён от церкви, значит, я всё могу. Ленин вон почти всю страну анафеме предал, и ничего. Кстати, я слышал, что он статью про меня написал. Будто зарос я, как простой русский мужик, потому что в зеркало на себя не смотрю. А я же знаю, что в зеркале революция. Давай уедем отсюда. Что-то не по себе мне тут.

И они уехали. Купили домик на окраине Москвы и стали жить вместе. Но не как муж с женой, а как автор с придуманным образом в виде красивой молодой женщины. Сыночка Анны, Серёжу, Толстой не вычеркнул, и он стал жить

вместе с ними. После революции Анна Каренина вышла замуж за начальника Московской уездной ЧК, который по благу устроил её на работу в локомотивное депо диспетчером. Лев Николаевич вначале Серёжу воспитал, а затем и других детишек Анны. Все они живы до сих пор. Лев Николаевич каждое лето навещает инкогнито Ясную Поляну. Снимет толстовку, натянет джинсы, очками тёмными прикроется и вперёд с группой туристов. Походит, посмотрит, порадует тому, как содержит Россия его усадьбу, осенит крестом потомков, пару яблочек сорвёт украдкой и обратно.

* * *

Потом скажу

Идёт Аркадий Петрович вдоль книжного магазина, что напротив Моссовета, если по-старому называть. Он всегда так прогуливался перед отъездом из столицы, от памятника Пушкину до Красной площади. И видит, навстречу, ссутулившись, на полусогнутых ногах, идёт знаменитый артист Василий N. В тёплой кожаной куртке, меховая кепка с ушами, руки в перчатках. И это в конце мая! Почему же он такой ветхий, удивился Аркадий Петрович, мы же одногодки с ним вроде. Поравнялись и разошлись в разные стороны. Однако Аркадий Петрович всё равно остановился через пару шагов и оглянулся, поражённый весьма странным и откры-

венно плохим видом уважаемого артиста. Недавно вот только по телевизору выступал, рассказывал что-то. А тут худющий, щёки впалые, нос острый, губы оттопырил и смотрит в одну точку, будто спит на ходу. И куда это он идёт? За книжкой, наверно, не начитался ещё. Но нет, мимо прошёл. А чего же его тогда к двери повело, чуть в стенку не вляпался. Догоню-ка я его, может, помочь человеку надо. Прикинуть дурачком эдаким, чтобы не обиделся. И догнал, прямо на повороте в Глинищевский переулок.

– Извините, Василий, не помню, как вас по батюшке, с вами всё в порядке? – спросил он.

– Всё в полном порядке, сударь, – знакомым экранным голосом ответил артист. – А почему вы спрашиваете?

– Да потому, что ты не идёшь, а кандыбаешь, шатаешься из стороны в сторону. А если запнёшься или ветер поднимется. Давай лучше вместе пойдём, куда тебе надо.

– Ну пойдём, – согласился Василий N. – И пошли они дальше вместе по переулку.

– Чего ты шаркаешь так, ноги болят?

– Всё болит.

– А куда ходил?

– В институт.

– Зачем?

– Выпуск у меня.

– На артистов учишь?

– Не на шахтёров же.

– А идёшь куда?

– Домой, недалеко тут.

В уютном дворике старого монументального дома, куда никогда не заглядывает солнышко и полиция, Василий N, тяжело дыша и кашляя, сел на скамейку.

– Пришли, – выдохнул он. – Спасибо, что проводил. Можешь идти уже по своим делам.

– От меня так просто не отделаешься, – шутливым тоном предупредил Аркадий Петрович и присел рядом. – Не уйду, пока не объяснишь, почему ты такой понурый?

– Сын в монастырь ушёл, под Волгоградом где-то.

– Когда?

– Десять лет назад.

– Ого! – воскликнул Аркадий Петрович. – И что?

– А узнал я об этом только сегодня, случайно.

– И что?

– Один я.

– И что! Уж лучше одному быть, чем с кем попало. В одиночестве ты сам себе друг, товарищ и брат. И прошлое вспоминать не надо, живи настоящим.

– А ты не потомок Омара Хайяма?

– О, кстати! – вскочив со скамейки, снова воскликнул Аркадий Петрович. – Омаров не обещаю, у меня на них и денег нет, а кильку в томатном соусе и плавленые сырки куплю. Жди.

И Аркадий Петрович помчался в поисках какого-нибудь

магазинчика для покупателей с тощими кошельками. Рассуждая при этом, если не дождётся, сам выпью и съем.

Но знаменитый артист дождался. Хотя на поиски такого магазинчика в центре Москвы потребовалось немало времени.

– Ну, давай за знакомство! – откупорив чекушку и наполнив понемногу бумажные стаканчики, предложил Аркадий Петрович. – Перчатки-то сними, а то сырок не почишишь.

Выпили. Закусили.

– Сто лет, поди, кильку не ел?

– Такую вообще никогда не ел, – признался Василий N, тыкая то пластиковой вилкой, то ломтиком батона прямо в банку. – Вкусная, зараза!

– Ты ешь, ешь, – ободряюще поддержал его Аркадий Петрович. – И сырок свой обязательно съешь. Маленько крепче будешь, как говорил Есенин.

– Да ты тоже не особо крепкий.

– Чего! – возмутился Аркадий Петрович. – Да ты знаешь, что у меня двухпудовая гиря под кроватью лежит для тренировки, а на кровати жена-красавица для любви.

– А в ней сколько пудов? – с усмешкой полюбопытствовал Василий N. – Давно на пенсию вышла?

– Чё ты улыбишься! Не видел её, а улыбишься. И водочка всегда в тумбочке есть. И яйца в холодильнике свежие.

– Такие же, как у тебя? – засмеялся и закашлялся одновременно Василий N.

– Ну вот, ожил, наконец, проснулся, – с искренним удовлетворением заметил Аркадий Петрович. – А ты тоже юморист. Да расстегни ты куртку, и кепку сними, тепло ведь.

– Действительно, тепло. Где ты раньше-то был? Наливай! Допили. Доели.

– Может, добавим? – протирая заслезившиеся глаза, предложил Василий Н. – Деньги я дам.

– Нет, хватит, – возразил Аркадий Петрович. – Тебе хватит, я же вижу.

– А ты кто?

– Потом скажу.

– Когда потом?

– Завтра ночью.

– А почему ночью?

– Ну что ты привязался, не понимаешь, что ли, что я отнекиваюсь.

– А фильм про друзей чёрно-белый помнишь, я там молодой-молодой?

– Помню, конечно. Ты один из него живой остался.

– А в Урюпинске был?

– Был, до развала Союза ещё, в командировке. Замечательный городишко. И кинотеатр там хороший. А причём здесь Урюпинск?

– А я там с одной девушкой познакомился, как раз в этом кинотеатре на встрече со зрителями. Жалко её, очень жалко.

– Опять ты о прошлом! Скажи лучше, внучку мою после

школы возьмёшь в институт свой?

– Возьму, всех возьму.

– Э-э, – забеспокоился Аркадий Петрович. – Да тебе не водку пить, а пшено клевать. Актёр ещё называется. Вставай, где твой подъезд?

На другой день, прогостив у дочки неделю, Аркадий Петрович рано утром уехал в свою Калугу.

А в обед новость: вчера на семьдесят седьмом году жизни скончался народный артист России Василий N, о причинах смерти не сообщается.

Аркадий Петрович выключил телевизор, достал из тумбочки бутылку, два стакана, наполнил их до краёв, на один кусочек хлеба положил, другой поднял дрожащей рукой и выпил до дна.

Вошла жена.

– Что с тобой?

– Потом скажу

– Когда потом?

– Завтра ночью.

– Вот дурачок. Может тебе яйца пожарить, свежие?

– Не хочу, – отказался Аркадий Петрович, качая седой головой. – Не успели познакомиться и на тебе.

Поздно вечером уже, изменив программу, показали в прямом эфире круглый стол, посвящённый памяти выдающего актёра и педагога Василия N. Кто-то со слов журналистов пересказал свидетельства консьержки и домработницы о том,

что домой артиста привёл некий пожилой мужчина приличной наружности. Василий N при этом выглядел абсолютно счастливым.

Долго ещё потом гадал Аркадий Петрович в отчаянии, неужели килька была плохая?

* * *

КГБ в деле

Прошло полгода со дня гибели жены полковника, который служил в закрытом авиационном городке недалеко от Москвы. Её, заведующую местной сберкассой, сожгли вместе с любовником в деревянном домике на окраине районного центра. Трупы обоих так сильно обгорели, что установить точно, кто есть кто, было почти невозможно. Женщину опознали только по некоторым деталям украшений, одежды и обуви. Кому понадобилось совершить это чудовищное злодеяние, осталось загадкой. Достоверно доказано было лишь то, что это поджог.

– Разрешите прикурить? – обратился к полковнику мужчина в клетчатой шляпе. Прикурил и присел рядом на широкий подоконник первого этажа здания столичного Военторга. – Обратнo тоже на электричке? – Полковник молча поднялся и хотел было зайти в магазин, где простаивала в очереди за дефицитными шмотками давняя его подруга Ан-

фиса. – Куда же вы, Роман Алексеевич? – задержал его голос незнакомца. – Нам обязательно надо поговорить.

– О чём? – обернувшись, спросил полковник.

– О том, что на самом деле произошло с вашей женой. Она жива и передаёт вам привет.

– Вы кто и что вам нужно?

– Да вы садитесь. Нам нужны документы по оптическим приборам для вертолётов, которые вы испытываете. Мы знаем, что подлинники в Свердловске, куда вы частенько навещаетесь. Передадите нам копии, и мы вернём вам жену. Любовница ваша будет, естественно, против, но тут уж ничего не поделаешь. Мы знаем, что жену вы любите больше. Тем более, что она вам не изменяла. И дети будут рады чудесному воскрешению мамочки.

– Где она сейчас?

– В Европе, Роман Алексеевич. Куда и вы со временем сможете всей семьёй перебраться, если согласитесь с нами сотрудничать.

– Я подумаю об этом, – произнёс полковник. – Только подумаю. Но при одном условии. Если вы мне расскажите, кто там сгорел в доме?

– Не переживайте, никого живьём мы не сжигали. Подходящие тела мы просто купили в морге. У вас ведь тоже всё продаётся.

– А зачем вообще нужен был этот крематорий?

– Чтобы вашу жену не искали.

– Хорошо. Как с вами связаться?

– Через неделю наш человек сам вас найдёт.

Часа через два после этого разговора на улице директор Военторга передал сотруднику Комитета государственной безопасности записку, в которой некий полковник настаивал на оперативной встрече. Записку принёс в кабинет директора какой-то мальчик, сказав, что об этом попросил его дяденька военный.

Прошла неделя. Встреча с «их человеком» состоялась. А ещё через несколько дней полковник получил приказ срочно выехать в Свердловск для получения очередного экземпляра сверхсекретного изделия. Никто в мире не придумал ещё тогда такую оптическую установку на вертолёты, которая обеспечивала бы точный обзор и фотосъёмку, независимо от манёвра и стрельбы боевой машины. На заводе дополнительно к оборудованию полковнику вручили пакет соответствующей технической документации, чего раньше никогда не делали.

Далее события разворачивались следующим образом. Обмен жены на фотоплёнку с копиями состоялся в парке Горького. По легенде, какую придумали за кордоном на случай явления с того света жены полковника, её похитили, ограбили, избили и бросили в речку. Короче, всё, как в современ-

ном кино: ударилась головой, потеряла память, вылечил похожий на лешего знахарь и прочая ахиня.

– Ну, ты молодец, Рома, – похвалила его жена, когда поздно вечером, уложив детей спать и слегка успокоившись, они мирно устроились за столом на кухне. – Я всё время верила в тебя. Настоящий русский полковник Родину не предаёт. А с запиской ты здорово придумал.

– А ты откуда знаешь? – удивился полковник.

– Я всё знаю, – призналась жена. – Я ведь там долго упиралась. А после того, как со мной побеседовал наш человек из британской разведки...

– погоди, ты же сказала, что была в Амстердаме?

– Правильно, а служба английская. Так вот, когда Гарри, ой, он же просил не называть его, объяснил мне суть операции, я стала делать вид, что устала, хочу домой и на всё согласна.

– Получается, ты была в курсе того, что здесь со мной происходит?

– Конечно, – снисходительно улыбнулась супруга. – Я даже знаю, что тебе какую-то Анфису подсунули для правдоподобия.

«Ну и дела! – воскликнул про себя полковник. – Контора и здесь всё предусмотрела. Невидимый фронт важнее личного. А я-то думаю, куда она исчезла, чертовка, почему больше не звонит и не требует расписаться?»

Контора не только это предусмотрела. В результате операции, разработанной и проведённой агентом Гарри, КГБ получил кучу возможностей и преимуществ. Вскоре жену полковника устроили старшим бухгалтером в Промимпортторг в расчёте на то, что в Амстердаме этим непременно заинтересуются. И не ошиблись. Полковник тоже не остался без дела. Лубянка регулярно получала от него донесения о тайниках, шифрах, связях и прочих шпионских прибабасах. А документы, благодаря которым он вернул жену, оказались на одну тысячную липовыми. И заключалась эта одна тысячная в маленьких неточностях по монтажу прибора и полировке особого вида стекла, неизбежно приводящих к вибрации и замутнению обзора.

Длилось такое «сотрудничество» с британской разведкой лет пятнадцать. До развала Советского Союза точно. А дальше, не знаю.

* * *

День счастья

– Ты рот свой помыла? – угрожающим тоном спросила гренадёрского вида женщина неопределённого возраста с короткой спортивной стрижкой.

– А как же, – робко ответила Мария Ивановна, восьмидесятилетняя старушка, садясь в стоматологическое кресло.

– Что у тебя?

– Да мне бы вот нижний протез изготовить. Не знаю только, на чём он будет держаться. Последний зуб месяц назад удалила.

– Дай посмотрю.

Мария Ивановна открыла рот и от волнения перестала дышать.

– Сделаем, – сказала врач, отвернувшись к столику, на котором стояли рядами чьи-то уже готовые протезы с приклеенными на них фамилиями будущих беззубых владельцев. – Целиком и не сразу.

– Что значит целиком и не сразу?

– Нижний и верхний будем делать вместе. И ждать придётся полгода как минимум.

– Так верхний же у меня хороший, и зубы там ещё есть. Я так к нему привыкла. А можно его не трогать? – взмолилась Мария Ивановна.

– Возьмётся с тобой бесплатно, сиди и молчи, – услышала она в ответ. – Мешать она ещё будет. Не нравится, иди к частнику.

Короче, изготовила себе нижний протез Мария Ивановна в частной клинике, а не в городской больнице по льготной программе для пенсионеров. Дорого обошлось, зато без хамства. Учительской пенсии при этом едва хватило. Всю свою трудовую жизнь Мария Ивановна проработала в обычной московской школе. Помочь некому. Муж давно умер.

Тоже учительствовал. Вышел на пенсию по выслуге лет и умер. А сын, хоть и работает каким-то начальником по газу, но у него свои заботы. Женился, развёлся, женился, развёлся, взрослых детей содержать надо, на учёбу внуков за границей деньги нужны.

Изготовила, значит, Мария Ивановна свой протез и пришла домой. Радостная такая, что с зубами, наконец. Прикрывать рот ладонью больше не надо. Жевать аккуратненько можно. Держаться, правда, этому протезу не за что. Того и гляди, изо рта выпадет. Ну да ладно, привыкнуть можно. Нечего зря губы растопыривать, как говорится, и рот до ушей разевать.

Она и не разинула, когда рюмочку оставшейся с восьмого марта наливки буквально процедила в честь нового протеза. Пожевала осторожно булочку, чаю попила. А больше и закусывать, собственно, нечем было. Холодильник пустой. Оставшиеся две тысячи отложены на лекарства. Квартплата в шесть тысяч подождёт. Консьержке по пятьсот рублей она вообще больше платить не будет. Хватит, пенсия маленькая, пусть хоть заобижается.

И тут Мария Ивановна вспомнила, что на балконе у неё кофточка вязаная сушится. А жила она на третьем этаже в обшарпанном сталинском доме, недалеко от Триумфальной арки. Вышла на балкон, сняла кофточку с верёвки и решила сдунуть с неё пожелтевший рябиновый лист. Наклонилась слегка за перила и дунула с силой – лист и слетел вместе с

протезом. Только лист, кувыркаясь, в сторону, а протез камнем вниз. Слетела по лестнице во двор и Мария Ивановна. Да так быстро, что консьержка даже в окошечко высунулась от удивления. Битый час разгребала Мария Ивановна высокую пожухлую траву под балконом в поисках своего протеза. Чего они не скосили её, проклятую, возмущалась она работой коммунальных служб. Рябина ещё эта стоит тут нехстати, росла бы себе в лесу. И кофту эту дырявую, зачем я её только постирала. А вдруг он упал на что-то твёрдое и раскололся. Умаялась Мария Ивановна до изнеможения. И села в полном отчаянии на металлическую оградку. Одна мысль в голове, и где оно, это стариковское счастье?

– Помоги мне, Господи! – произнесла она вслух и посмотрела на небо. А там, зацепившись за невысокую ветку рябины и поблёскивая на солнце, висел её драгоценный протез. Снять его с дерева самой не составляло никакого труда. Но вместо этого Мария Ивановна закрыла лицо руками и расплакалась.

* * *

Медвежатник

Было это в начале восьмидесятых минувшего столетия. Окраина большого промышленного города на Урале. Встречаются в трамвае двое: один в чёрном пальто и шляпе, дру-

гой – в военной форме. Оказалось, оба росли в одном районе, учились в одном ремесленном училище, но не видели друг друга лет двадцать.

– Слушай, последний раз мне о тебе сообщили, что ты будто в Москву перебрался, москвичом стал, мать твоя тоже уехала, и ни слуху о тебе, ни духу, – это тот, что в военной форме, сказал.

– А я о тебе последний раз узнал, что тебя прямо с танцев на пятнадцать суток запрятали, из бокса попёрли, – а это уже тот сказал, что в пальто и шляпе.

– Всё, выходим здесь. У меня тут служба рядом. Зайдём, я задачу поставлю и поедем ко мне домой. Такую встречу отметить надо. Посидим, повспоминаем.

Тот, что в пальто и шляпе, возражать не стал, и оба, выйдя на остановке, направились к стоящему неподалёку перед высоким забором с колючей проволокой одноэтажному зданию с охранной будкой и табличкой, указывающей номер ИТК.

Зашли. Навстречу две женщины взволнованные. Видно, что просто гражданские сотрудницы.

– Товарищ майор, у нас ЧП. Ключи потеряли.

– Какие ключи?

– От общего сейфа.

– Ну вот, я же говорил, что у вас в одном месте ветер, в другом дым. Ладно, я вот друга детства встретил, а то я б вам сейчас устроил тут. По задницам обеим надавал бы как минимум. Зовите Медвежатника.

Минут через десять в дверь с другой стороны здания в сопровождении охранника вошёл невзрачный такой пожилой мужичок в арестантской одежде.

– Видишь сейф в углу?

– Вижу, обычный конторский ящик.

– А открыть мы его сами без ключа не можем. Так что давай, исполни номер. И побыстрее.

– А досрочку подпишите?

– Я тебе баланду отсрочу на недельку, хочешь? Открывай, говорю!

– Не могу, гражданин начальник, забыл всё.

– Так, дамы, покиньте кабинет, и ты, ефрейтор, тоже. У нас тут сейчас сеанс гипноза будет происходить по восстановлению памяти.

Женщины и охранник вышли. Майор привычными движениями начал расстёгивать португепю.

– Погоди, так нельзя, – остановил его человек в пальто и шляпе. – Дай я ему пару слов на ушко шепну.

Сразу за этим, не дожидаясь разрешения, он подошёл к Медвежатнику и очень тихо сказал ему что-то.

Мужичок мгновенно приободрился, уверенным тоном потребовал отвернуться, пошурудил чего-то там возле сейфа, и дверка открылась.

– Принимайте работу, гражданин начальник. А про досрочку забудьте. Я ни о чём не просил, это шутка такая.

– Ефрейтор, зайди, – крикнул майор. – Забирай его.

Спустя час друзья детства сидели за столом на маленькой кухне в хрущёвском доме и пили водку.

– Так чего ты сказал Медвежатнику, признавайся? Он из блатных, кого попало слушать не будет.

– Да просто попросил по-человечески. Не бери в голову...

Посидели, повспоминали. На прощание обнялись. Догадался начальник колонии для заключённых или нет, что тот, кого он встретил через много лет и кого в гости пригласил, является самым что ни на есть авторитетным вором – неизвестно.

Чего только на Руси не бывает.

* * *

Береги себя, сынок!

Не слышен был этот разговор ни воронам, что кружили тревожными стаями над чернеющими деревьями, ни листьям пожухлым, что мягко шуршали под ногами.

– Застегнись, а то простынешь, – сказал отец. – И не пей много.

– Я и не пью, – возразил сын. – Тебе вот стопочку и себе такую же. И всё.

– Ладно, за встречу можно, – согласился отец. – Ну, как ты?

– Нормально. Всё, как у всех. Ничего хорошего.

– Ну, так не бывает, чтобы совсем ничего. Жить всегда можно. При любом раскладе.

– Не начинай! – перебил сын.

– А что плохого-то! – удивился отец. – Ты в Москве, квартира у тебя. Да, однокомнатная, зато своя.

– Всё равно не надо было дом в Константинове продавать. Сейчас бы приезжали туда на выходные.

– А на что бы мы с мамой тогда жильё тебе в столице приобрели. Всех наших сбережений на половину только хватало. Сто раз ведь об этом говорили. В Рязани мы бы и так купили. Но ты же наотрез отказался оставаться здесь после института.

– Обошёлся бы как-нибудь без квартиры. Снимал бы.

– А кто бы платил за неё. Ты ведь нигде не работал. А сейчас работаешь, кстати?

– Уволился недавно.

– Опять! Неужели ничего достойного найти не можешь?

– Предлагают разное. Но ты же знаешь, что я за гроши на дядю работать не буду.

– Жалко. Сколько мы с мамой тянули тебя, учили, и всё зря. Ну, как же так, сынок! Тебе ведь уже давно за сорок, борода седая.

– Всё по благу, отец. Был бы ты у меня олигархом, а не учителем в школе.

– И что?

– А то. Умные люди в девяностые деньги делали, а ты стаж

свой педагогический высиживал. Крутиться надо было.

– Я и крутился, как мог. Думаешь, легко было в советское время квартиру получить.

– Да какая это квартира, хрущёвка драная! – усмехнулся сын.

– Однако ты вырос в ней, – вздохнул отец. – Потом на дом с мамой копили. Как отпуск, так подрабатывали.

– Да он копейки тогда стоил!

– Да хоть сколько! Главное, что мы с мамой любили тебя.

Ты дневник-то мой о себе читаешь иногда?

– Какой дневник?

– Который я тебе в восемнадцать лет передал. Я ведь его со дня твоего рождения вёл. Где он?

– Валяется где-то, – отмахнулся сын.

– Оградку бы покрасить, – помолчав немного, заметил отец. – А то мама переживает. Траву она ещё может повыдергать, а на другие дела у неё уже сил нет. А ты чего приехал-то? Десять лет не появлялся, и живой я не нужен был, а тут на тебе.

– Я к маме приезжал. Семьдесят лет всё-таки. Вот она и попросила проведать тебя перед отъездом.

– А, если бы я олигархом был, проведать бы без маминой подсказки?

– Да не обижайся ты, я же пошутил просто, – улыбнулся сын. – Пойду я, а то на электричку опоздаю.

Сказав это, он встал со скамейки, застегнул куртку, вышел

за оградку и направился к центральной аллее.

– Береги себя, сынок! – услышал он вдогонку голос отца.

Вороны не слышали, листья не слышали, а он слышал.

Недопитая бутылка водки досталась пожилому рабочему с тележкой, заваленной отслужившими своё венками и прочим кладбищенским мусором.

Ветер усилился, похолодало. Осень есть осень.

* * *

Криминальный поцелуй

Почти все как-то вянут, кукожатся утром после честного и желанного свидания на одну ночь. Глаза виновато отводят, смотрят куда-то мимо, спешат поскорее исчезнуть, будто грех какой совершили. Спасибо друг другу не скажут, не спросят о самочувствии, кофе не попьют вместе. Не пожелают удачи и не намекнут даже на возможное продолжение знакомства. А у этих всё наоборот.

– Я провожу тебя до остановки, – сказал он.

– Хорошо, – согласилась она.

Вышли на Пролетарскую. Раннее воскресное утро. Тихо, безлюдно. Нормальные люди спят ещё. А ненормальные, типа вот этой маленькой сгорбленной старушки с двумя сумками, стоят и ждут первого трамвая. А сумки большие, туго забитые чем-то и не застёгнуты даже от избытка содержимо-

го.

Зная, что предстоит скорое расставание и, не зная, что будет с ними дальше, он нежно поцеловал девушку в губы.

– Безобразие! – прервала сладостное мгновение старушка. – Ни стыда, ни совести! При всём честном народе! Ай-я-яй!

– А честной народ это вы? – поинтересовался парень у старушки. – Никого же нет.

– А я что, не человек, что ли!

– А не на барахолку ли намылился этот честной человек?

– А ты почём знаешь?

– А чего тут знать-то. Вон он утюг ржавый из сумки торчит. Ни стыда, ни совести!

– Сам ты ржавый! – отмахнулась старушка. – С такой пенсией и трусы рваные продавать понесёшь.

– Неужели купят?

– Купят, – заверила старушка. – Мигранты всё купят. Я вон сорок лет в школе учительницей отработала, а денег и мне ни на что не хватает. Соседи избавятся от чего-нибудь, я и везу на рынок. Всё лишняя копеечка.

– А самой вам сколько лет?

– Восемьдесят пять.

– Ого! – воскликнули в голос молодые люди. – Как же вы там одна, бабуля?

– Почему одна! – с достоинством возразила старушка. – У нас там коллектив.

– Коммунистического труда?

– Ну, посмейся, посмейся, коли шибко охота, – беззлобно заметила старушка. – Мы там праздники отмечаем, дни рождения. Зимой выпьем, бывает. Для сугреву, как говорится.

– Песни про Ленина поёте, наверно? – и пареньё запел, вытянув правую руку вперёд, как на памятниках вождю. – Ленин всегда живой. Ленин всегда с тобой. В горе, надежде и радости.

– Дурачок ты! – обозвала парня старушка и обратилась к его спутнице. – Как ты с ним живёшь только?

– Вот так и живу, – отшутилась девушка. – Люблю потому что.

В этот миг за дальним поворотом послышался стук трамвая, на рассвете далеко его слышно.

– Можно? – попросил разрешения у старушки пареньё, прижимая к себе девушку.

– Да целуй уже. Только сумки помоги поднять.

Поцеловав подружку и шепнув, что позвонит, пареньё галантно помог ей войти в вагон, затем легко поднял увесистые сумки и вместе со старушкой поставил их на пол, подалее от двери, отступил немного назад, и трамвай поехал. Но девушка успела всё же грустно улыбнуться на прощание. Пареньё-то оказался добрым и с юмором. Чего так не хватает многим мужчинам.

Я думаю, они встретятся ещё и обязательно вспомнят, сколько бы лет не прошло, свой криминальный поцелуй на

остановке, за который их отчитала старенькая учительница со ржавым утюгом.

* * *

Спой нам про Витьку Махова

Было это в начале шестидесятых прошлого века. Я, мальчишка ещё по меркам нынешних времён, работал уже кадровым электриком по обслуживанию детских садов в одном из районов Москвы. В постоянных напарниках у меня, или я у него, был мужчина, лет сорока пяти, фронтовик. Нормальный в общем мужик, но пил сильно. Однажды, 8 мая, после работы и сытного обеда в каком-то садике мы зашли с ним в небольшую ремонтную мастерскую местного жилищно-коммунального управления. Помещение мастерской располагалось в подвале красивого сталинского дома. Спустились, поздоровались. Двое мужиков, что там были, моего напарника знали и возраста они все были примерно одного. Сразу же на дощатом столе без скатерти появилась водка, закуска – хлеб, колбаса, консервы. И сразу же мужики выпили по целому стакану за предстоящий День Победы. Я тоже немного выпил, но от продолжения отказался. Они не обиделись. Смотрю, чуть поодаль, возле шкафа с разным монтерским хламом, лежит на скамейке старенькая семиструнная гитара. Я взял её – бренчит. Подтянул струны, заиграл и тихонько

запел. Мужики ещё выпили, захмелели, на меня ноль внимания, болтают о чём-то сумбурно. Но, когда они уже напились совсем вдрызг, что называется, мой напарник вдруг оборачивается ко мне и говорит:

– Спой нам про Витьку Махова.

– Про какого Витьку? – спрашиваю.

– Ну, что ты не знаешь, что ли! Про Витьку Махова...

С трудом, но всё же удалось выяснить у пьяной компании, что Витька Махов – это, оказывается, Серёжка с Малой Бронной и Витька с Моховой.

И, надо же, я как раз пару дней назад, хоть верьте, хоть нет, выучил эту грустную песню под гитару. Она мне очень нравилась и легко подыгрывалась.

Я, конечно, согласился. Запел. Думал, похвалят, спасибо скажут. Но слушатели мои после слов «Друзьям не встать. В округе без них идёт кино. Девчонки, их подруги, все замужем давно» громко разрыдались. Напарник мой при этом зло по столу начал стучать кулаком. Другой мужик откинулся на спинку замызганного дивана и крепко сдавил лицо руками. А третий, что с глубоким шрамом у виска, выскочил из-за стола, принял стойку бойца и с безумным взглядом стал строчить куда-то в стенку из невидимого автомата, громко выкрикивая «ты-ды-ды-ды-ды-ды-ды-ды-ды...» Потом я узнал, что у этого третьего после страшного ранения в голову случались иногда такие припадки.

Всю жизнь свою, долгую уже, помню я тех молодых вете-

ранов войны из шестидесятых. И песню «про Витьку Махова» не забываю.

* * *

Родненькая

Умер Иван Трофимович – месяц всего до восьмидесяти пяти не дотянул. Крепкое здоровье и довольно долгое присутствие своё на Земле объяснял он всегда тем, что родился в посёлке Боровое на севере Казахстана. Говорил, озёра там глубокие, горы высокие, леса хвойные, воздух чистый – рай, одним словом, и даже лучше. Потом армия, институт, работа, Москва.

На поминках жена Ивана Трофимовича, в состоянии вдовы уже, всё гадала вслух и со слезами, что означали последние слова его «Тебя-то я не посчитал, родненькая». Случилось это рано утром. Услышав тревожные хрипы, она подошла к мужу, склонилась над ним, а он посмотрел на неё ласково, улыбнулся едва заметно, произнёс эти самые загадочные слова и умер. «Родненькая» – понято, это было его любимое обращение к жене. А вот, почему он её не посчитал, так и осталось тайной.

А ничего таинственного и не было в том, если знать, кого же считал Иван Трофимович всю ночь перед смертью. Женщин он считал. Тех, с кем у него было. До боли напрягал па-

мать и считал. Не по порядку, конечно, а по тому, что всплывало по времени, по событиям, по случаям. Драматических ситуаций, связанных с любовными похождениями, у него не было. Ибо человеком он был достаточно осторожным, и голова у него была на месте, как и всё остальное. Но не это главное. А то, что он всю свою долгую жизнь действительно любил только свою жену.

Никакого учения о христианском браке при этом Иван Трофимович не признавал и с самого начала семейной жизни сохранять верность жене не собирался. А с кем, сколько и как у него было до свадьбы вообще никого не касается. А после, рассчитывая, как повести себя, он взвешивал всё со всех сторон и вспоминал частенько, что сказал ему когда-то давно старый еврей в электричке: «Налево ходить по уму надо, никто ничего знать не должен. Встречайся, с кем хочешь, но жену не бросай. Я вот в лагере долго сидел, а жена честно ждала меня». Насчёт ума, огласки и бросания Иван Трофимович тогда в принципе согласился, а вот насчёт честного ожидания категорически нет.

И были на то у него свои основания. Так, например, девяносто седьмая по ходу его воспоминаний, проводив на выходные мужа-охотника за добычей в другую область, оставляла дверь в квартиру открытой для Ивана Трофимовича. Который терпеливо томился за домом в ожидании, когда погаснет свет в вожделенном окне. Девяносто восьмая сама спешно и радостно звонила Ивану Трофимовичу по случаю

отъезда мужа-альпиниста в очередную экспедицию в Гималаи. А девяносто девятая предпочитала встречаться с Иваном Трофимовичем в поле за военным городком. Причём не под стогом сена, а на нём. И специально в те дни и часы, когда у мужа-лётчика полёты были. Да ещё напевая страстно и с издевательским восторгом «...следить буду строго, мне сверху видно всё – ты так и знай!»

К рассвету девяносто девять женщин Иван Трофимович кое-как насчитал. Но ему сто хотелось. Для достойного подтверждения того, что прожил он на этом свете не зря. Пусть, дескать, другие мужики завидуют. «Вспомню последнюю и помру, – думал он, задыхаясь. – Ну, кто же она, кто, почему не является?» Тут и подошла к нему его родненькая...

* * *

А если война

К деду на юбилей приехал внук из Москвы. Внук искренне любил деда за свои весёлые и беззаботные детские годы. До школы он почти всё время жил у бабушки с бабушкой. А, когда бабушка умерла, и дед остался один, внук навещал его только вместе с отцом, раз в несколько лет. Дед многому научил внука. Особенно тому, что сам неплохо умел – разлагольствовать на разные темы и не молчать, когда спрашивают.

– Родители, значит, не смогли приехать, тебя прислали, – горестно вздохнул дед, наливая себе и внуку по рюмке водки. – Жалко. А вдруг не увидимся больше. Ну да ладно. Давай, за встречу. Я шибко по тебе соскучился.

Выпили, закусили.

– Как ты тут один? – спросил внук. – Старенький ведь уже.

– А что мне про себя рассказывать. Живу воспоминаниями. То бабушку вспомню, то тебя. Помнишь, как мальков для рыбалки ловили? Сачка не было с собой, так мы твою маечку использовали.

– Помню, дед, всё помню, – ответил внук.

– А помнишь, как ты в лесу за опятами под бревно полез, а там крапива, и ты руки себе по локоть обжёг?

– И это помню. Бабушка ещё мне каким-то жиром их мазала.

– А у нас в посёлке, как видишь, всё без изменений. Дома, правда, скоро совсем разваливаться. Никому мы тут не нужны. А как вы там живёте?

– Нормально.

– Отец на пенсию собирается?

– Пока нет. Ему же ещё рано. Это ты в шестьдесят вышел, а он на пять лет позднее пойдёт по новому закону.

– И ты считаешь это нормально?

– Нет, конечно. А что делать?

– А вот мы, коммунисты, всегда знали, что делать.

– Ну ты, дед, положим, не простым коммунистом был, а

секретарём райкома. Где-то, наверно, мог выступить, возра-
зить.

– Да не во мне дело. Раньше само государство за людей
было.

– Может, не будем о политике, – предложил внук. – Она
и без того надоела мне хуже горькой редьки. Давай лучше
выпьем за твои восемьдесят лет. Наливай. Папа, мама и я
желаем тебе крепкого здоровья и прожить ещё столько же.

– Спасибо! – произнёс дед и запросто, одним глотком, вы-
пил вторую рюмку. – Нет уж, я скажу, дорогой внучок, авось
пригодиться. Вот тебе тридцать лет, ты политолог, то есть
болтун нанятый. А, если война и тебя призовут, пойдёшь?

– Ну и логика у тебя, дед. Работа-то моя при чём здесь?

– Как это при чём? Ты же по телевизору выступаешь.

– И что?

– Вот и ответь. Только честно и прямо, как я учил тебя.

– Пойду.

– А зачем?

– Родину защищать.

– А кого конкретно?

– Тебя, отца с матерью, себя, наконец.

– От кого?

– От недругов.

– А кто они наши недруги сейчас?

– Ну ты, дед, даёшь! Воевали же в Великую Отечествен-
ную.

– Ту войну не трогай, она святая. На той войне прадед твой погиб. На ту войну я бы и сам пошёл, без призыва. И дрался бы до последней капли крови за нашу землю, за наше государство, за нашу культуру, за равенство и социализм. Понял?

– Понял. Ты только не волнуйся.

– А сейчас от кого ты нас защищать собрался? Какая нам разница, под каким капиталистом жить! Строй же теперь у всех одинаковый. И там деньги главное, и у нас тоже. И там эксплуатация, и у нас тоже. И там земля в частной собственности, и у нас тоже. И там цены растут, и у нас тоже. У нас даже больше. Капиталисты ведут себя в мире, как бандиты на рынке. И ты не нас, а их жадность защищать будешь.

– Успокойся, дед, пожалуйста. Никакой войны, слава Богу, нет.

– погоди, они её как пить дать развяжут. Они без неё не могут. И Бога они не боятся. Ленина читай.

– Почитаю, дед, обязательно почитаю. И мы давай ещё выпьем немного и к речке пойдём. Посидим там на нашем местечке.

Выпили. На этот раз бабушку помянули, по просьбе деда, и пошли к реке, что виднелась за огородами.

– Бутылку не забудь и пару огурчиков, – приказал дед, выходя из двухкомнатной квартиры в старом хрущёвском доме на окраине тихого уральского посёлка, бывшего когда-то административным центром большого и многолюдного рай-

она.

– А воевать за Россию я всё равно буду! – произнёс громко внук, подойдя вместе с дедом к берегу. – Что бы ты мне тут ни говорил.

– Молодец! – как ни в чём не бывало, похвалил его дед. – И я тоже буду, если смогу. Без нас она пропадёт, а мы без неё.

* * *

Убийство в Большом театре

Лихие девяностые. Трое молодых рэкетиров требуют деньги у пожилого коммерсанта. Это такое кино смотрит по телевизору Анжела. Вдруг звонок по смартфону мужа, который греется в ванне. Уверяет, что горячая вода для сосудов полезна и думать помогает. Анжела берёт аппарат и, не отрываясь от экрана телевизора, говорит:

– Слушаю.

– Кто это?

– А вы кто?

– Соломон Кавалерия.

– И что вам надо?

– Позовите Михаила.

«Ага, сейчас, – взволнованно подумала Анжела. – Разбежался. Это точно те кавказцы, которые наехали на Мишину фирму».

– Его нет, – стараясь не выдавать испуг, соврала она.

– Передайте ему, когда появится, что звонил Соломон Кавалерия.

«Ну, надо же, с кем связался, – снова подумала Анжела. – Имя-то какое-то подозрительное, а фамилия вообще бандитская».

– Не передам.

– Почему?

– А он умер.

– Давно?

– Похоронили уже.

– Где?

– На Новодевичьем кладбище, – вспомнив первое попавшееся, ответила Анжела.

– Большой человек, однако, сочувствую, – произнёс собеседник и отключился.

– Звонил кто-то? – выйдя из ванной, спросил муж, здоровенный такой тридцатилетний бугай, бывший боксёр, чемпион. Только чего Анжела сказать точно не смогла бы, путает постоянно.

– Звонил какой-то Соломон Кавалерия, – не хотела, а всё равно проговорила Анжела.

– А кто это?

– Тебе лучше знать, – продолжая смотреть телевизор, ответила Анжела. – Ты же постоянно вляпываешься в разные истории.

– В какие ещё истории?

– А вчера что ты рассказывал про кавказцев?

– То, что они приехали. И мы вместе будем создавать новый бойцовский клуб. А при чём здесь это?

– При том, что себя не жалко, так меня пожалей.

– Ну, началось. Так, я не вижу последний номер, – взяв свой смартфон, сказал Михаил. – Надо перезвонить и спросить, кто же это такой Соломон Кавалерия.

– Не надо.

– Почему?

– Наверняка бандит какой-нибудь.

– У тебя все бандиты. И я бандит. Смотришь ерунду всякую. Где номер-то?

– А я удалила его, – призналась Анжела и, чтобы не нарваться на скандал из-за этого, решила тут же поменять тему разговора. – Ты лучше скажи, когда в Большой театр меня сводишь? Сколько я могу напоминать об этом! Я же говорила тебе, что ни разу там не была.

– Обязательно свожу, не беспокойся. Вот как раз насчёт билетов из мэрии должны позвонить. Специально для тебя заказал лучшие места в партере. В кассе на них билеты не купишь.

Но никто из мэрии Михаилу не позвонил. Ни через день, ни через неделю, ни потом. Неудобно, но Михаил всё же решил сам позвонить новому знакомому, чиновнику по спортивным делам, который и обещал достать билеты в Большой.

– А мне сказали, ты умер, – удивился этот самый знаковый, тоже бывший боксёр.

– Это кто такое сказал! – в свою очередь удивился Михаил.

– Жена твоя, наверно, если ты женат. Я позвонил, хотел билеты тебе передать, а она сказала, что тебя уже похоронили.

– А как ты назвал себя, когда позвонил?

– Как есть, так и назвал, Соломко Валерий. А что?

– Так это ты, оказывается, Соломон Кавалерия?

– Не понял.

– Да это ей так слышалось

– А зачем она придумала, что ты умер?

– Да ей всё бандиты мерещатся. Извини, что так получилось. Но от билетов мы не отказываемся.

– Теперь только через месяц, дорогой, не раньше.

Вечером Анжела спросила мужа:

– Когда в Большой театр пойдём?

– А театр закрыли на месяц, – с невозмутимым выражением лица ответил Михаил. – В связи с убийством. Представляешь, какой-то солист балета прыгал-прыгал по сцене, потом достал пистолет из банджа, это такие обтягивающие трусики, и выстрелил в первый ряд прямо во время спектакля.

– А как он туда пистолет-то засунул?

– Потом покажу. А тебя только это интересует, а кого уби-

ли тебе не интересно?

– Ну, и кого же?

– А помнишь, мужик звонил, меня спрашивал?

– Соломон Кавалерия, что ли?

– Его самого.

– А за что?

– А чтобы чужих жён не отвлекал, когда они телевизор смотрят.

– Ну и правильно! – решительно заявила Анжела. – Туда ему и дорога, бандит несчастный.

* * *

Бородатый мишка

– А борода у него какая, если бы ты только видел, длиннее рогов! – и Димка опустил правую ладонь почти до пола. – А перед нашим отъездом в Москву он ещё дядьку одного закатал.

– Как это закатал? – удивился Алёша, слушая на перемене рассказ школьного дружка о его приключениях летом в деревне у бабушки.

– Ну, так бабушка сказала, – и в этот миг раздался звонок на урок. – Забодал, короче, как козлы бодают, не знаешь, что ли.

– Все выучили басню, которую я задавала? – спросила

учительница, уткнувшись в классный журнал.

Алёша чувствовал себя уверенно, уж он басню «Квартет» выучил на пятёрку.

Именно его, как по заказу, и вызвала учительница к доске.

– Проказница-мартышка, осёл, козёл, да бородатый мишка затеяли сыграть квартет, – громко продекламировал Алёша.

И тут по непонятной для него причине все ребята в классе расхохотались.

– Давай сначала, – тоже почему-то улыбаясь, предложила учительница.

– Проказница-мартышка, осёл, козёл, да бородатый мишка затеяли сыграть квартет, – снова продекламировал Алёша.

– Так, это уже не смешно, – строго прервала его учительница. – Скажи честно, ты выучил задание?

– Конечно, выучил, – признался Алёша, хотя сам уже начал сомневаться в этом, потому что класс продолжал дружно смеяться.

– Тогда читай точно по тексту, – приказала учительница. – И не забывай, что ты не в цирке.

– Я не забываю, – с обидой в голосе тихо произнёс Алёша и снова, в третий раз уже, у него получился бородатый мишка.

Дальше учительница ничего слушать не стала. Заподозрив, видимо, что-то неладное в поведении своего третье-

классника, она спокойно усадила его на место без оценки ответа.

Потом, правда, быстренько всё прояснилось. Когда Алёша узнал, как он неумышленно, просто оговорившись, переделал самого дедушку Крылова. А всё из-за этого Димки с его бородатым козлом.

* * *

Бабушка умерла

1971 год. У нас с братом умерла бабушка, было ей почти восемьдесят. Жила она когда-то в Питере и, если верить ей, то она даже с Лениным встречалась, в Смольном. Вспоминала его и плакала при этом почему-то. Помню, особо отмечала, что вождь был невысокого роста, чуть выше неё – метра полтора с кепкой, как говорят. И всё причитала, качая головой: «Хороший человек был».

Но не о том речь. Мне было двадцать один, а брату девятнадцать. Я работал в учреждении культуры простым инструктором, а брат на крупном оборонном заводе электриком. По нынешним временам – ну кто мы такие? Никто, самые обычные люди, пацаны ещё, можно сказать, ни связей, ни положения, только жизнь самостоятельную начинали. Москва – город большой, а мы в нём – одни из миллионов.

Однако... Я лишь заикнулся на работе, что у меня умерла бабушка, похороны в такой-то день, и мне сразу, без лишней волокиты, выделили автобус. А брату сказали, что выделяют бригаду с машиной. Бабушка у нас тоже была самой обычной пенсионеркой. Выдающихся заслуг перед государством у неё не было, и никто из посторонних о ней ничего не знал. Но никаких подтверждающих документов о том, что она наша и что она действительно умерла, мы своим начальникам не предоставляли.

И вот похороны. Декабрь. На улице минус тридцать! «Мой» автобус с утра у дома, а «машина брата» задерживается. Полдень уже. Ну, думаем, обманули. Вдруг, чувствуем и слышим, дорога задрожала. Видим, к дому подъезжает громадный военного образца грузовик с колёсами, почти такими же, как у трактора «Беларус». И шесть мужиков в кузове стоят за кабиной. Поздоровались с братом и спрашивают: «Ну, где бабуля?». Оказывается, они до прибытия по указанному адресу могилу на кладбище копали...

Похоронили мы нашу бабушку достойно. Родственников и других, ещё живых бабушек, после поминок развезли на автобусе по домам. Мужики-помощники, что с завода, славно выпили и закусили, даже песни попели. Короче, всё получилось как-то ладно, по-человечески. Несмотря на крепкий мороз и мелкие материальные затраты. Никаких официально отгулов на день похорон никто нам с братом не оформлял, и ни копейки из своих зарплат мы за невыход на работу

никому не компенсировали. . .

Давно это было, очень давно. Но помнится с каким-то щемлящим умилением и светлой грустью до сих пор. Попутно и время минувшее вспоминается. Но так, что не хочется сравнивать при этом некий социализм с неким капитализмом и рассуждать, а были ли они или есть в российской истории и что из них лучше. Но жизни-то реальные в разные времена, сейчас и тогда, сравнить можно. Без политических росказней. Бабушка-то наша реально умерла, и «культурный» автобус, и рабочие на грузовике с известного на всю страну завода реально были. И мы с братом реально чувствовали себя тогда вполне уже взрослыми и вроде как уважаемыми людьми. За спиной у каждого из нас вроде как реальный коллектив был, и реальные товарищи были, если позволите. И многие из наших товарищей тоже могли тогда без разорительных хлопот, с честью и приличием, похоронить своих бабушек. Жаль только, что через двадцать лет мы всем народом свою страну так же достойно похоронить не сумели.

* * *

Горчица с икрой

Новогоднее застолье. Семья Громовых с улицы Новая Басманная пригласила в гости давних своих друзей – семью

Гиршиных с улицы Старая Басманная. Громовы считали себя русскими, хотя кого только не намешано было в их родах и по жене и по мужу. А Гиршины считали себя евреями, хотя в целом по предкам, даже со стороны жены, со стопроцентным доказательством это тоже не подтверждалось. Дети их выросли и отмечали праздники уже сами по себе.

– Холодец у тебя сегодня просто бесподобный, – похвалил вдруг жену Василий Петрович.

– Куда ж ты столько горчицы положил? – удивилась она.

– А я люблю её и могу сколько угодно съесть.

– Прямо без мясного, в чистом виде, – шутливо добавил Арон Шаевич.

– А что, целую столовую ложку запросто съем и даже не поморщусь.

– Не верю.

– Спорим?

– Спорим. На что?

– На банку икры.

– Согласен. Дамы, вы свидетельницы.

После этого Василий Петрович действительно взял ложку, выдавил на неё из тюбика приличную горку горчицу и, театрально причмокивая, съел её. Конечно, ему было ужасно плохо, во рту всё запылало, глаза заслезились, но... спор есть спор.

– И где ты деньги на икру возьмёшь? – спросила жена Арона Шаевича.

– Не вижу ничего особенного, – вместо прямого ответа заявил вдруг её муж. – Я тоже так могу.

– Попробуй, – предложил Василий Петрович.

– И пробовать нечего, – сказал Арон Шаевич и в точности повторил всё то, что сделал с горчицей Василий Петрович.

Когда прощались, то перед самым уходом жена Василия Петровича спросила жену Арона Шаевича, да так, чтобы мужа слышали это:

– Сара, а ты не знаешь, зачем наши умные мужчины по ложке горчицы съели?

– Откуда я знаю, Наташа, – пожала плечами жена проигравшего спорщика. – Главное, что никто никому ничего не должен.

* * *

Полёт в будущее

Явился Иван домой ровно в полночь. Минут десять не мог ключ в замок вставить. Но жену будить не хотел. Когда всё же противная дверь в квартиру открылась, Иван зашёл и сразу рухнул у порога. Не раздеваясь. Силы для вертикального положения покинули Ивана окончательно. Ещё бы, столько выпить: бутылка водки, две бутылки пива, или три, да без закуски путёвой, головка лука – не мясо в горшочке. Короче, очередной недельный запой подкосил Ивана под корень.

И он мгновенно уснул. Успев, правда, подложить под голову мятый сапог жены.

Ноги Ивана, как и остальные конечности, блаженно расслабились. Но могучий богатырский мозг его продолжал работать. На самом деле в дымину пьяный он валялся в прихожей, а во сне он летел из Москвы на Марс. В каком-то вагоне типа старого трамвая. Народу много, и все какие-то однополье, ни мужики, ни бабы. И он такой же. Только беременный, сидит и смотрит на своё огромное пузо. Чувствует, подошло, рожать надо. Помогите, кричит, схватки у меня. А народ его успокаивает, потерпи, дорогой, долетим скоро. А он в ответ кричит, давайте на Луну завернём, там роддом, говорят, хороший, у меня уже воды отошли. И чувствует при этом, что его кто-то реально в бок пинает и тряпкой по спине охаживает.

Открывает Иван глаза – жена рядом в сорочке стоит.

– Опять обмочился, – говорит. – Ну вот что мне с тобой делать!

* * *

Гипнотизёр

Хотите – верьте, хотите – нет. Было это очень давно. Я, начитавшись разных книг и статей о гипнозе, решил сам кого-нибудь загипнотизировать. А кого? Приятелей по двору

– бесполезно. Надо, чтобы испытуемый совсем не знал меня, не видел раньше в своём кругу и безусловно верил, что я обладаю гипнотическими способностями. Типа: написано «Правда» – значит, правда; указано на афише «Народный артист» – значит народный артист; сказано, гипнотизёр – значит, он самый.

Для эксперимента выбрали одного обычного парня из соседнего цеха (работал я тогда токарем на АЗЛК, и было мне восемнадцать лет – почти мужик уже взрослый по тем временам). И наш и тот другой цех были огромными, под тысячу работников каждый. Кто-то из нашей бригады просто случайно знал того парня и несколько раз по моей специальной подсказке рассказывал ему обо мне, как об уникальном субъекте. Тот заинтересовался и согласился прийти в обеденный перерыв и попробовать моё воздействие на себе.

Вот он пришёл. Мы (я, он и человек десять любопытных и исподтишка хихикающих рабочих) спустились в подвальное помещение цеха, в раздевалку. Я попросил всех молчать, поставил его лицом близко к стенке между шкафами, сам расположился чуть сзади, а за мной – сильно сомневающаяся во всей этой затее разновозрастная публика.

Сеанс начался. Я монотонно, прерывая счёт усыпляющими фразами, досчитал до десяти, приказал парню слушать только меня и спать. И он, правда, заснул, слегка наклонившись вперёд и прижавшись с закрытыми глазами лбом к стенке. Я сам растерялся, опешил даже, но не подал виду и

стал приказами поднимать ему поочерёдно руки, то до плеча, то выше. Движения его были неестественно послушными, роботоподобными какими-то. Просто усилиями извне опустить ему руки было невозможно, они опять, как на пружинах, поднимались в то положение, которое я обозначил словами.

Неискушенная в таких делах публика была поражена. Все видели, что никакого подвоха тут нет. Парень действительно погрузился в гипнотический сон с непосредственным восприятием внушений с моей стороны. Конечно, нашлись сразу шутники, которые начали советовать мне снять с него штаны, поставить на колени, заставить ползать и проделать с ним прочие смехотворные манипуляции. Но мне было совсем не до смешков. Я никого толком не слышал, а думал лишь о том, как вывести испытуемого из этого самого сна.

До сих пор рад тому, что всё завершилось благополучно. Я досчитал до десяти, прерывая счёт картинками пробуждения. Но этого оказалось мало. Пришлось считать дальше, украшая процесс новыми ощущениями выхода в реальность. Хорошо, что я ни разу не сбился и не заикнулся. На счёте двадцать парень проснулся, очумело взглянул на всех и направился к выходу. Я только успел спросить его, помнит ли он что-нибудь. Он отрицательно покачал головой и признался, что вообще не заметил, как уснул. На том всё и закончилось. Больше я никогда ничего подобного не проделывал. Хотя мог, наверно, совершенствуя такие навыки.

Однако, я не только об этом случае, как таковом. А о том ещё, почему же всё-таки нормальный с виду парень попал в подневольное гипнотическое подчинение. Полагаю, что на моём месте и на его месте мог быть кто угодно. Как персонально, так и коллективно. Наверное, все мы делимся в разнообразных формах и проявлениях на тех, кто внушает, гипнотизирует, и на тех, кто спит или полудремлет с несамостоятельным восприятием происходящего. Чтобы жить в реальном мире и не подчиняться чужим командам, нельзя никого и ничего принимать просто на веру. А мы все, в большинстве своём, принимаем. Вот и ползаем зачастую без штанов и на карачках. Сами при этом смеёмся и других потешаем. Да ладно, просто смеёмся, а то ещё и в драку лезем под влиянием веры в кого-то или во что-то.

* * *

Допрос

В кабинете отдела полиции Китай-город двое, молодой полицейский и пьяный гражданин пожилого возраста.

- Ну что, мужик, давай поговорим?
- Давайте, только сначала выпьем.
- Нет, давай поговорим, а потом выпьем, может быть.
- Да кто же так в Москве работает?
- Я так работаю.

- А наоборот не пробовали?
- Не твоё дело.
- А, если не моё, чего тогда говорить?
- Для протокола.
- Так вы писать будете?
- Буду.
- Ну, пишете.
- Итак, что ты сказал потерпевшим?
- Сказал, что мужик сказал-мужик выпил.
- А потом?
- Сказал, что мужик выпил-мужик сказал.
- И что ты сказал?
- Сказал, что все говорят.
- А что все говорят?
- А то вы не знаете.
- Не знаю.
- Сказал, что они говорят.
- Кто они?
- Мужики.
- Какие мужики?
- Которые говорят, что мужик сказал-мужик выпил.
- А потом мужик выпил-мужик сказал, так что ли?
- Так точно.
- Ты уже это говорил.
- И ещё скажу.
- А я ещё раз спрашиваю, что ты сказал потерпевшим?

- А то вы не знаете.
 - Не знаю, скажи.
 - Так я же уже сказал.
 - Да что ты сказал-то?
 - Давайте выпьем, потом скажу.
 - А без выпивки не скажешь?
 - Не скажу.
 - А что я в протокол должен записать?
 - Не знаю. Я уже столько наговорил, а вы не пишете.
 - А чего писать-то, хрыч старый?
 - Это вы уже сами должны знать.
 - Что я должен знать?
 - А вы не понимаете?
 - Не понимаю.
 - А поговорить хотите?
 - Хочу.
 - Ну вот, когда работать научитесь, тогда и поговорим.
- На том допрос и закончился.

* * *

Свидание с королевой

1965 год. Москва. Пятница. Время 16.15. Иду с завода после укороченной смены для рабочих, обучающихся в вечерней школе. Через дорогу от проходной кинотеатр. Взял билет

на 16.30. Название фильма не помню. Очень пожилая контролёрша проверила, пропустила, ничего не сказала. В просторном фойе люди спокойно ходят, портреты артистов разглядывают. Двери в зал открыты, свет горит, и там уже сидят зрители, совсем немного, правда. Звучит звонок, захожу, сажусь на своё место. Двери закрываются. Люстры гаснут. Всё, как обычно. Но дальше... Засветился экран, на нём какой-то мужик, спиной к камере, отъезжающий паровоз, на ступеньках вагона какая-то тётка с растрёпанными волосами, которая истошно кричит этому мужику: «Прощай, Федя!» «Прощай, моя королева», – трагическим тоном произносит мужик, не оборачиваясь. Паровоз с дымящей трубой удаляется в маленькую точку посередине экрана, из которой, всё увеличиваясь, наезжает на зал большое слово «Конец». Длилось это зрелище минуту, не больше. Включили свет. Ну, думаю, сапожники, с обратной стороны плёнку зарядили. Ладно, пождём. Но, что я вижу – зрители все встают и молча дисциплинированно направляются к выходу из зала, в углу возле сцены. И я встал, оглянулся, позади меня уже никого нет, я один остался, двери в фойе закрыты. Помешкал чуть и тоже вышел. Стою на другой улице, за кинотеатром уже, и гадаю, что за случай такой. Пару раз провернулся на месте и в полном недоумении потопал, куда и не надо было пока. Через минут десять, однако, я решил вернуться и выяснить, за что же я отдал целых 50 копеек. Даже матюкнулся про себя, как умел. Тем более, что я тогда уже мечтал стать назой-

ливым адвокатом. Вернулся, выяснил. Оказывается, в кинобудке перед самым концом предыдущего сеанса вырубили электричество. Кто-то из зрителей ушёл, а кто-то остался досмотреть, так как им пообещали быстро устранить неполадки. Вот я и попал в число этих недосмотревших свой фильм зрителей.

– Оставайся на следующий сеанс, – предложила контролёра. – У меня всегда есть в запасе одно свободное место на всякий случай.

– Нет уж, спасибо, – ответил я. – В 18.30. у меня тут рядом свидание со своей королевой.

– С какой ещё королевой? – удивилась добродушная сотрудница советского кинопроката.

– С настоящей, – уточнил я. – Магомаевской.

Моя королева явилась вовремя. Молоденькие фрезеровщицы тогда не позволяли себе опаздывать на встречу с парнем. Особенно слегка рыженькие, с чудными веснушками, искренней улыбкой и преданным взглядом.

* * *

Печёнка

Расскажу вам коротенько одну историю. Давно, правда, это было. Но было, даже не сомневайтесь. Семья: муж, же-

на и трое детей. Супругам по сорок лет. Жена иногда работала по выходным. И вот приходит она как-то зимним вечером домой с работы. В доме порядок, дети накормлены. Заботливый хозяин и жену решил накормить. Подал ей на ужин жареную говяжью печёнку. Жена попробовала и давай недовольно фыркать да замечания делать: не вымочил, пересолил, пережарил. Думать, говорит, надо, а потом делать. Да ладно бы раз сказала. А то ведь и во время еды, и после ужина, и перед сном. Ни словечка нормального. Муж не вытерпел, молча оделся и вышел из дома. Только дверь громко хлопнула. Вышел и пропал. Совсем, окончательно пропал. Никто и нигде его больше не видел – ни в Москве, где он родился, ни в других городах. И ничего о нём неизвестно. Хотя много лет уже минуло. Вот так вот тогда женщина лишилась мужа, а дети отца. И всё из-за никчёмной бабьей сварливости. Так или иначе, но история эта, как и многие подобные, к сожалению, подтверждает одно грустное, почти афористичное, соображение. Мужчина женится для того, чтобы у него была женщина. А женщина выходит замуж для того, чтобы у неё было всё. Но поскольку всего всегда не хватает, то женщина всегда всем недовольна.

* * *

Приговор за топор

Просто посидел с топором в приёмной – и три года лишения свободы.

Это я об одном случае, который произошёл несколько лет назад в Московской области. Иван Денисович, дремучий мужичок пенсионного возраста, пастух, не получил в который раз подряд зарплату, выпил самогонки по такому обидному случаю, облачился в драную телогрейку, взял топор и пошёл разбираться с местным предпринимателем-животноводом.

Пришёл в контору, работодатель в отъезде, тётки успокоили пьяного земляка, от души посмеялись над ним, чаем потчевали. Он поворчал, посопел и побрёл домой отсыпаться.

На суде, в райцентре, предоставленный государством адвокат из Москвы, такой же, впрочем, с виду никчёмный мужичонка в мятом галстуке, неуверенно попросил вызвать на слушание дела хотя бы одного свидетеля и самого заявителя, выполняющего, по мнению руководства района, очень важную социальную и служебную деятельность в глухой деревне.

– Вы в своём уме! – сурово отреагировала на просьбу адвоката судья, болезненно полная женщина с невыразительным взглядом. – Представляете, сколько им до нас ехать, часа полтора, не меньше.

И немедленно вынесла приговор. Иван Денисович ничего не понял и снова, в спину тяжело и горделиво удаляющейся

даме в судейской мантии, стал бормотать что-то про непослушных коров.

Всего времени от начала этого судебного заседания и до его окончания ушло минут десять – суд ведь у нас самый гуманный в мире, зачем зря человека мучить.

* * *

Весёлое утро

Суббота. Обычная московская квартира. За утренней трапезой дедушка, бабушка и Гришка, их шестилетний внук, которого в пятницу вечером на вкусные выходные доставили им постоянно занятые его папа и мама. Бабушка и дедушка – молодые пенсионеры, бывшие школьные учителя с навечно сохранившейся привычкой кого-нибудь чему-нибудь поучить.

– Ну как у тебя дела в садике? – спрашивает внука дед.

– Хорошо, – отвечает Гришка.

– А, если конкретно, чего ты там совершил выдающегося?

– Я с первого раза мячом точно в кольцо попал.

– Молодец! А ты знаешь, как называется тот, кто метко бросает, кидает или стреляет? Вот прицелился и попал прямо туда, куда надо.

Гришка, с маленькой котлеткой на вилке, слегка призадумался. Проходит минута.

– Ладно, я тебе подскажу, – не стал томить дорогого вну-
чонка дедушка. – Слово это начинается с буквы «с».

– Стрелок что ли? – тут же спросил Гришка.

– Почти верно, – соглашается дед. – Только стрелок это вообще тот, кто просто стреляет. Все стреляют, значит, все стрелки. А вот как называют того, кто всегда попадает с первого раза точно в цель? Как ты, например, в детском садике.

Проходит ещё минута. Гришка молча жуёт котлетку и думает. Правда, не очень усердно, зная, что дедушка всё равно сам назовёт нужное слово.

– Подсказываю дальше, – говорит дед. – Снай?..

– Снай... – повторяет Гришка. – И кто такой этот снай? Дайте ещё подумать.

Прошла третья минута неглубоких детских раздумий. От котлетки ничего не осталось. Гришка беззаботно выбирает кусок шоколадного торта с цветочком и подносит его ко рту.

– Пер, – не выдержав ожидания правильного ответа и поставив недопитую кружку чая на стол, вдруг решительно произносит бабушка.

Дед чуть не подавился от смеха. Бабушка тоже громко расхохоталась, поняв, что вторую половину слова она высказала с явным опозданием, да ещё с мягким звуком «е», а не «э». И Гришка рассмеялся над смешным словом, так и не разобравшись пока, кто же он – снай или пер.

Героический шутник

1951 год. Таджикистан. Утро. Аэродром. Самолёты на приколе. Рядом здание штаба. У входа чёрный лимузин с дремлющим шофёром. В помещении, похожем на школьный класс, лётчики. Почти все – боевые офицеры. Каждый сидит за отдельным столом.

За последним столом посередине сидит майор с глубоким шрамом на лице и золотой звездой на кителе. Пробивающийся сквозь окно солнечный луч будто специально падает на эту звезду, добавляя ей ещё больше блеска и значительности.

За «учительским» столом стоит пожилой генерал из Москвы, чуть позади от него, прислонившись к двери – адъютант. Генерал говорит уже целый час. И всё о стоящих задачах по укреплению и защите южных границ. При этом он с особенным акцентом произносит фразы типа: «Перед нами стоят задачи», «Мы обязаны выполнить стоящие перед нами задачи», «Поставленные перед нами задачи требуют от нас...» и тому подобные. Раз сто уже сказал в полной тишине про эти самые задачи, которые всё стоят и стоят. И вдруг с последнего ряда раздаётся удар кулаком по столу.

– Вы с чем-то не согласны, товарищ майор? – спросил генерал офицера со шрамом и звездой.

– Согласен, товарищ генерал, – не вставая, как этого тре-

бует устав, ответил майор. И тут же продолжил, изображая важную озабоченность. – Только я вот о чём думаю. Вот бы у меня член так стоял, как перечисленные вами задачи!

Такого громогласного хохота горячая таджикская земля не слышала ещё, наверно. Генерал тоже разразился смехом и, закрыв лицо руками, плюхнулся на стул. А, когда слегка успокоился, повернулся к адъютанту и, кивая на рассмешившего всех майора, сказал по-доброму:

– И ведь ничего не сделаешь с этим шутником. Он же Герой Советского Союза.

* * *

Врать уметь надо

Сидят на скамейке в парке два очень пожилых соседа по дому, два деда, можно сказать. Один неторопливо, по глоточку, отпивает пиво из бутылки. Идут трое полицейских, при полной амуниции, видно, что на дежурстве. Останавливаются перед дедами.

– Почему нарушаем? – спрашивает с планшетом на боку, не иначе как старший по наряду. – Распивать спиртные напитки в общественных местах строго запрещено. Такой порядок. Придётся штраф заплатить.

– Я не пью, – говорит один дед и, показывая на товарища, отодвигается на край скамейки. – Это он нарушает. Я его

предупреждал, что нельзя.

– Ребята, родненькие, простите дурака старого, – виноватым тоном заговорил другой дед. – Я вообще не пью. Но сегодня день танкиста. А я в танковых войсках служил. Вот и решил отметить.

– Всё равно не положено, – говорит сержант и берёт в руки планшет. – Предъявите ваши документы.

– Да какие документы, помилуй, сынок, – искренне недоумевает нарушитель порядка. – Я же просто погулять вышел.

– Тогда назовите фамилию, имя, отчество. Я запишу, и вы всё получите по почте.

– Канделябров Давид Мордехаевич, – не раздумывая ни секунды, представился дед с бутылкой.

– Ну и данные у вас, – удивляется сержант, записывая их на листок бумаги в планшете. – Необычные какие-то, редко встречаются.

– Да уж какие от родителей достались.

– А фамилия через «о» или через «а» пишется?

– Через «а», конечно. И в отчестве тоже через «а». Не ошибитесь, пожалуйста.

– Мардехаевич, что ли?

– Нет, третья гласная «а» после «х». Другую гласную тут ставить нельзя, а то некрасиво получится.

– Ладно, записал всё красиво, как вы сказали. Теперь адрес?

– Москва, улица Адмирала Кутузова, дом тридцать один,

квартира тринадцать, – опять же без промедления ответил дед и бросил недопитую бутылку в стоящую рядом урну.

– Две чёртовы дюжины, одна против другой, – с улыбкой заметил сержант. – И как вам по такому адресу живётся?

– Нормально. Почти полвека уж обитаем с женой в этом доме.

– Хорошо, – подытожил сержант. – Я всё записал. Ждите квитанцию.

– А вы всё правильно записали? – забеспокоился дед. – А то пришлют не мне и не туда.

– Не волнуйтесь, гражданин. Ваши данные я зафиксировал точно.

Когда полицейские отошли на почтительное расстояние, всё время сидевший до этого молча второй дед, воскликнул:

– Ну ты даёшь, Петрович! Да ещё имя моё присвоил. И ни в какой армии ты не служил, сам же рассказывал. И жены у тебя нет. И дом у нас новый. И номер у него не тот. И квартира твоя две шестёрки. И никаким адмиралом Кутузов не был. Одно правда, что день танкиста сегодня.

– Это ты даёшь, трус несчастный! – возразил Петрович. – Я бы другое имя придумал, если бы ты не испугался и в сторону не отскочил. И про великого полководца нашего я без тебя всё знаю.

– Не обижайся. Я же просто пошутил. Откуда я знал, что они серьёзно привяжутся. Наверняка они тоже спектакль разыграли, ни протокола, ни свидетелей. Ты лучше призна-

вайся, кто тебя так лихо врать научил?

– Отец, когда мне лет десять было. Взял как-то с собой под Новый год в лес за ёлкой. Мороз, помню, был сильный. Срубили мы небольшую ёлочку, идём себе домой, и вдруг лесник с дружинниками. И тоже блокнотик достали и фамилию у отца спрашивают. А он спокойно так отвечает, Канделябров. А я рядом стою, молчу. Записали всё со слов отца и отпустили. Вот с тех пор я и не представляюсь как есть без особой нужды.

– А попроще нельзя было придумать?

– Э-э, Давидка, тебя ли учить этому! Вот сказал бы я им честно, что я Сидоров Иван Петрович, проживающий на улице Ленина, они бы ни за что не поверили. Короче, врать уметь надо.

* * *

Любовь по паспорту

Очередной раз, слава Богу, у пожилой супружеской пары, шибко интеллигентных москвичей, опять всё получилось. Почти так, как в их лучшие молодые годы. А почти, потому что жене как-то не по себе было. По завершении навязанного природой процесса муж спросил у жены заботливо:

– Что-то ты, любимая, заприохивала сегодня?

– Заприохиваешь тут, когда ты удержу не знаешь, – про-

ворчала жена, потягиваясь. – Выгибаеть меня, как вздумается, будто мне двадцать лет или я гимнастка какая. Все мышцы болят.

– Ну, знаешь, раз в неделю и потерпеть можно, – возразил муж.

– А ты в паспорт давно заглядывал?

– По этому поводу никогда, – ответил муж и добавил после некоторого раздумья. – Ладно. Намёк понял. В следующий раз учту.

Прошла неделя. Жена в полумраке привычно устраивается на кровати, зная о предстоящем событии. Подходит муж и перед тем, как приступить к вожделенным действиям, он что-то старательно кладёт на подушку, рядом с головою супруги.

– Что это? – спрашивает жена, оборачиваясь.

– Как это что, паспорт, – отвечает муж. – В раскрытом виде. Буду заглядывать иногда.

– А ты чей паспорт принёс?

– Твой, конечно.

– Нет уж, и свой носи тоже. Положишь его с другой стороны...

Как там получилось у них в этот раз, неизвестно. Но смеялись они долго и с обоюдным удовольствием.

* * *

Ножичек

Заканчивается судебное разбирательство уголовного дела по факту убийства в небольшом лесном массиве рядом с жилыми домами на окраине Москвы сорокалетнего мужчины, нигде не работающего, ранее судимого, алкаша и дебошира. В зале заседания, уже в качестве публики, три бывших свидетельницы – жена обвиняемого, соседка по этажу и консьержка. Последнее слово предоставляется подсудимому.

– Ваша честь, – обратился обвиняемый к судье, монументально красивой женщине с пронизательным взглядом. – Я постараюсь коротко, по существу и по пунктам. Первое. Пусть я всю жизнь до пенсии проработал учителем в школе, к правоохранительным органам отношения не имею, но всё равно не могу понять такой юридический казус. Почему единственное, чем доказывается в деле моя вина, это мой маленький складной ножичек, с которым мы с женой иногда ходим за грибами? Которых, кстати, всё меньше и меньше, а в этом году вообще почти не было. Никто так и не ответил мне на вопрос, являюсь ли я идиотом, если я как бы вначале убил этим ножичком, а потом сам же аккуратненько положил его рядом с трупом? Кроме того, я много раз спрашивал следователя и просил адвоката выпытать это, а каким образом почти мгновенно после обнаружения трупа, дознаватель прямо из лесочка явился именно ко мне и предъявил мне мой ножичек? На нём что, моя фамилия и адрес име-

ются, или он действует как навигатор? Второе. В деле фигурируют отпечатки моих пальцев на ножичке. Правильно, потому что он мой, и я признал его своим. Хотя, если бы я, не дай бог, убил кого-то, то отпечатков, как и самого ножичка, я бы не оставил. И жене своей наказал бы ни за что не признавать этот ножичек нашим. Но вопрос даже не в этом, а в том, как и когда эти отпечатки появились на ножичке? Человек в штатском пришёл, представился дознавателем и, ничего не сказав про убийство, достал из кармана ножичек, дал мне его в руки, спросил, мой или нет, потом забрал его у меня, положил в пакетик и сообщил о страшном происшествии. Такой способ получения доказательств явно смахивает как минимум на должностной подлог. Третье. В материалах дела нет даже намёка на объяснение того, а зачем вообще мне понадобилось убивать этого своего соседа с верхнего этажа? Да, он часто выпивал, матом ругался, во дворе скандалы устраивал. Да, он громко включал музыку. Да, дома у него собиралась пьяная компания. Да, я жаловался, что он спать не даёт. Но убивать, чтобы остаток дней своих провести в колонии, извините. Мне восемьдесят лет, но деменции у меня пока нет, можете не сомневаться. В одном этом соседе проблема, что ли. Его не будет, другой такой же поселится. Или многодетная семья. Или мастер какой-нибудь в обнимку с дрелью. Идеальной тишины в многоквартирном панельном доме всё равно не добиться. Все шумят. Так что теперь, во всех подряд перочинным ножичком тыкать. Чет-

вёртое. Следователь уверен, что я просто взял и потерял ножичек. Но как это вообще могло быть? Убийство произошло днём, всё видно, и вдруг окровавленный нож незаметно для преступника падает рядом с телом. Так, что ли? Ну кто ж оставляет такую улику. Я рассказывал и следователю и так называемому государственному защитнику, что убиенный с сомнительными дружками своими спускался на этаж ниже и заходил к нам в квартиру пару раз, чтобы удостовериться в издаваемом его аппаратурой громком звуке с потолка. И соседка подтвердила это. Ему казалось, что мы с супругой просто вредные и всё придумываем. Сам он при этом проходил в комнату, стоял, прислушивался, а дружки его в коридоре околачивались, где у нас в тумбочке или на ней, возможно, этот самый ножичек лежал и ключ от квартиры. В это время можно было слепок ключа сделать или просто изучить замок в нашей входной двери, чтобы прикинуть, какие примерно отмычки нужны для его открытия. А потом изобретательно воспользоваться этим. Я объяснял и готов сто раз повторить, что понятия не имею, как мой ножичек исчез из квартиры.

Пятое. В деле нет ни одной страницы с характеристикой личности соседа. Про меня всё написано, заслуженный, не имел, не привлекался. А про него ничего нет. А ведь он был весь в долгах, между прочим. У него только за коммуналку задолженность на сегодня в полмиллиона. Помимо этого, он сам жаловался, что на него коллекторы недавно наехали за какой-то долг в несколько миллионов. Ещё и банк какой-то от

него чего-то требовал. По словам консьержки, сотрудники этого банка несколько раз приходили к нему с какими-то бумагами, но не заставляли его дома. Плюс у него была вражда с бывшей женой из-за квартиры. Она вроде как хотела продать её, а он был против. Да и квартира, оказывается, у него была под залогом. Короче, зная о моих жалобах на него, меня могли элементарно подставить. Именно эта версия и является, на мой взгляд, самой правдоподобной. Однако ни следователя, ни защитника она нисколько не заинтересовала, и ничего в этом направлении сделано не было. Ровным счётом ничего. Ни по кругу общения убитого соседа, ни по возможным конфликтам его с другими людьми, ни по семейным дразгам. А ведь на трупе, как сам же следователь и проговорился, имеются явные следы борьбы. Возможно, соседа вначале избili до бесчувствия, а потом нанесли точный удар моим ножичком? Хотя что это за удар, если сам этот ножичек вместе с ручкой чуть длиннее спичечного коробка будет. Шестое. Никак не учтены и такие два важных обстоятельства. Убийство было совершено примерно в обед. А я вообще в этот день до позднего вечера не выходил из дома. Консьержка и устно это подтвердила, и на записях видеонаблюдения у неё в камерке не зафиксированы мои передвижения по подъезду. За грибочками мы ещё раньше перестали ходить. И ничего не сказано также о том, что отношения между мною и убитым были в целом вполне нормальными. Когда он не пил и не шумел, то мы спокойно и по-людски общались. Я даже как-то

помог ему в ванной течь устранить, а он помог мне козырёк над лоджией прикрепить. Я только просил его не шуметь и всё. Ну на кой чёрт, извините, мне убивать-то его понадобилось? В чём тут логика и умысел? Наоборот, мне даже жалко его было, неприкаянным он каким-то был. Я знаю, что по закону я не ограничен во времени и могу говорить до того момента, пока не выражу все свои мысли. Главные свои мысли я уже выразил и заявляю, что не согласен с предъявленным мне обвинением, считаю его абсолютно надуманным и предвзятым. Сам по себе перочинный ножичек не может являться достаточным доказательством. Раньше так нерадиво и с таким равнодушием к судьбе человека не работали. Я имею в виду молодого следователя и такого же молодого адвоката, которого мне подсунули бесплатно. То ли их плохо обучали, то ли они чей-то заказ исполняли, то ли без взяток уже вообще ничего толком не делается. А совесть где? Сляпали всё за месяц и довольны. Подумали, наверно, старик своё пожил, не жалко, пусть за колючей проволокой подышает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.